

Сергей Банцер

Хромая

удача

Сергей Банцер

**Хромая удача.
Остросюжетный роман**

«Издательские решения»

Банцер С.

Хромая удача. Остросюжетный роман / С. Банцер —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744114-2

Демобилизованный военный пилот Александр Волковой находит работу в фирме, которая занимается контрабандными перевозками оружия в Западной Африке. На родине у него остаётся любимая девушка Марина. В один из рейсов покупатель расплачивается за товар крупным алмазом. На обратном пути самолёт падает в ночной саванне. Чудом избежав гибели, Волковой завладевает алмазом. Удастся ли ему вырваться из смертельного капкана и принесёт ли ему с Мариной счастье этот алмаз?..

ISBN 978-5-44-744114-2

© Банцер С.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Глава 1	7
Глава 2	13
1	13
2	14
3	15
Глава 3	18
1	18
2	18
Глава 4	22
Глава 5	24
1	24
2	25
Глава 6	27
1	27
2	28
3	29
4	30
Глава 7	34
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Хромая удача

Остросюжетный роман

Сергей Банцер

Ибо кто знает, что есть благо человеку в жизни
Екклесиаст 6:12

© Сергей Банцер, 2018

ISBN 978-5-4474-4114-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как небрежно сдаёт карты судьба! Швыряет, не глядя, кому одни тузы с козырными дамами, кому шестёрки с семёрками, кому вообще не поймёшь что. Только вон ещё лежит прикуп. Хочешь – рискни! Приподними карту, глянь, а вдруг там джокер?

И, может, тогда в этом мире станет чуточку больше справедливости... Мистер Майкл Куртис станет немножко ниже, а пилот Волковой станет чуть-чуть выше. И джокер в этом ему поможет. Разве это будет не справедливо?

Только вот почему на карте джокера изображён смеющийся шут?..

Часть I

Под созвездием Южного Креста

За массивной дубовой дверью со множеством хитроумных замков находится зона гризи-тэйблз – сердце алмазного прииска. По наклонным столам, покрытым толстым слоем жира, струятся потоки специально очищенной воды. Каждый стол зоны отделён от остальных массивной стальной решёткой. Сквозь стеклянные окошечки в стенах за происходящим в помещении следят невидимые охранники. Территория прииска вместе с жилыми бараками обнесена тремя рядами колючей проволоки, над которыми возвышаются несколько караульных вышек. Караульные без предупреждения открывают стрельбу по всему живому, что пересекает границу зоны, даже по птицам. Чернокожие рабочие согласно заключённому контракту, живут внутри зоны по полгода. Потом они покидают прииск через специальную буферную зону, где за ними ежесекундно наблюдают в течение двух суток, анализируя содержимое желудка и кишечника.

Время от времени в помещение входит высокий седой старик. Он молча отпирает замки на стальных решётках и деревянным пинцетом собирает сверкающие искорки приставших к слою жира алмазных кристалликов. Всё происходящее дополнительно фиксируется несколькими скрытыми видеокамерами.

Высокий старик вдруг что-то гортанно выкрикнул и нажал на красную кнопку, расположенную сбоку гризи-тэйбла.

На толстом слое жира в прозрачной струе воды лежал голубоватый алмаз размером с крупную вишню.

Глава 1

Девушка отложила потрёпанную книжку, на бумажном переплёте которой было написано «Зло приходит в сумерках» и подняла глаза. Перед ней стоял пьяный. На его вспотевший лоб свисал чубчик мышинового цвета. Это была уже третья мужская особь, которая подходила к ней за то время, пока она сидела на лавочке в старом парке. Девушка досадливо поморщилась и снова уткнулась в книжку.

«– Вивьен, у меня срочное дело в Калифорнии, – сказал Стив, – я забронировал номер в отеле на ваше имя. Связь будем поддерживать через Хуберта».

Пьяный кашлянул и подал голос:

– Хэлло, мэ, быть может мы на рандевуль?

Девушка вновь оторвалась от книжки. У неё были огромные карие глаза с пушистыми ресницами, волнистые распущенные волосы ну и взгляд – мисс Сорбонна, факультет изящных искусств.

– Гонорея свирепствует, ты что, не слышал? – ответила девушка.

Пьяный открыл рот, понимающе покачал головой и двинул дальше.

Перед пьяным к ней подходил какой-то долговязый мужчина, вполне трезвый, и попросил разрешения почитать ей свои стихи. Стихи, как обычно, были философскими:

Дряхлый папирус, пришедший издревле,
Мёртвым черкесом несущимся вскачь
Я не рождён, потому и не внемлю,
Кто не родил меня – был мне палач!

На улице с Мариной хотели познакомиться режиссёры, доценты, укротители тигров, странствующие поэты, сверхзвуковые лётчики и даже один пьяный кругосветный путешественник. По крайней мере, они так ей представлялись. И так было всегда. Даже, когда её недавно закрыли в обезьянник с какими то шалавами в Шевченковском РОВД. Дежурный мент, как её увидел, то сразу заулыбался и начал выделять мужские гормоны. Марина уже и привыкла. Гормоны, наверное, одинаковые, что у дежурного мента, что у доцента, что у настоящего кобеля. Только у доцента выделения угнетены интеллектом, а у дежурного мента наоборот. Потому что дежурный мент имеет много больше возможностей по сравнению с доцентом. Особенно, когда ей тогда в обезьяннике захотелось в туалет по-маленькому.

Странствующий поэт тем временем закончил читать последнюю строфу:

Пена у рта от истошного бега
С жёлтых небес уж слышны голоса
И распустился, окрашенный в «пего»,
Лотос забвенья в твоих волосах!..

– Молодец! – сказала Марина, – сам сочинил?

– Сам, – подбоченился поэт, – а вот ещё, из раннего:

Как вешаться не хочется...

– Хорош, – перебила его Марина. – Я ж сказала, молодец. Иди, не порть впечатления.

– Простите, а у вас не найдётся жетона на метро? – спросил поэт.

– Ты что же, на жетон заработать не можешь?

– Кризис, – сглотнув слюну, жалобно сказал поэт. – Ещё и бабник какой, эх... Ну, совсем, – он отчаянно махнул рукой.

– А работать пробовал?

– Стал на путь исправления, – горячо заверил поэт, выставив вперёд ладони. – Вот на дорогу только... Жетон. Два. До фонда занятости населения доехать, а?

Марина порылась в кармане плаща и протянула мужику жетон:

– Только больше ничего не проси, хорошо?

Поэт покорно кивнул и, втянув голову в сутулые плечи, зашагал по аллее.

Марина подняла воротник и закрыла книжку. Хорошо, хоть на улице ещё тепло, можно не идти домой, а посидеть в парке подольше. Хотя сильно хочется есть. Но дома всё равно есть нечего.

А пьяный правильно сказал. Потому что сквозь её красоту видно пробивается что-то такое, что заставляет опытных мужчин говорить именно так. Марина и к этому привыкла. Ну, а, если и возникали какие-то сомнения, то после знакомства с её мамой все становилось на свои места в течение пяти минут.

Если сильно присмотреться, то видно, что её мама тоже когда-то была красавицей. Пусть не такой, как дочка, но всё же. На излёте активного участка своей женской судьбы мама, наверное, допивает дома бутылку дешёвого портвейна и танцует под старенький магнитофон с каким-нибудь кавалером. Тоже побитым жизнью, плешивым и немолодым. При виде Марины у кавалера, как положено, начнётся реакция слюноотделения и он на время забудет о маме. В школьном учебнике биологии была такая картинка с собакой и пробиркой, в которую собиралась слюна. Марина часто представляла себе пристающих к ней мужиков с такими пробирочками, прикреплёнными к углу рта. Можно, конечно, разменять их двухкомнатную квартиру и начать совершенно новую жизнь. Но мама одна пропадёт. А она любит свою маму, поэтому из этой затеи ничего не получится. Остаётся плыть по течению и ожидать от жизни улучшения. От той самой жизни, которую двадцать пять лет назад Марине так беспечно подарила её мама.

С каким-то странным перекосом сдала ей карты судьба. С одной стороны эта нежная красота, Орнелла Мутти отдыхает. А с другой – чего только нет. Например, её папа. Папа у Марины капитан дальнего плавания. По крайней мере, так говорила ей мама, когда маленькая Марина спрашивала, почему у всех есть папы, а где мой? На самом деле папа у Марины не капитан, а КОТ. Кот у него вытатуирован слева на груди, и обозначает Коренной Обитель Тюрмы. Вот и сейчас он в очередном дальнем заплыве. Но Марина и его любит. После отбытия очередного срока папа подарил дочери маленькое серебряное распятие на цепочке, которое он изготовил на зоне.

– Пусть хранит это тебя, дочка, от бед и несчастий, – сказал тогда папа.

С тех пор так и носит Марина миниатюрное серебряное распятие на груди. Уберегает ли оно её от бед, как говорил папа? Может и оберегает. Во всяком случае, она верит в это.

Единственная мужская особь, у которой на губах не начинает блуждать улыбочка при взгляде на Марину, это её сосед Павлик. Это от того, что Павлик курит дурь, что-то там глотает и нюхает, поэтому девочки его не интересуют. Даже такие, как Марина. Иногда и она забивает с Павликом на двоих косячок. От сладковатого дымка что-то тает в душе и туда на время заглядывает солнышко. Но Марина знает, что потом когтистая лапа отыграется. Так сожмёт что-то внутри, мало не покажется.

Как-то Павлик предложил ей улететь в виртуал. Ах, если бы кто-то придумал, как там, в виртуале и остаться навсегда... Но так не бывает. Кончится каиф, и реальность вытащит цепкой лапой из виртуала. Вытащит и ткнёт носом – не шали, жить нужно здесь.

Иногда у Марины возникали мысли свою красоту куда-нибудь пристроить. Первое, что приходило на ум, это стать какой-нибудь проституткой. Скажем, гостиничной путаной. Но там такая инфраструктура, с улицы туда не сунешься. А сунешься, можно враз досрочно всей кра-

соты лишиться. Вон Тюля попробовала и еле ноги унесла. Такие две гламурные девочки, молоденькие совсем... Подошли, поздоровались с Тюлей так вежливо и сказали, что если она ещё раз попадётся им здесь на глаза, то ей для начала выбьют два верхних передних зуба.

Говорят, олигарх может снять своей любовнице квартиру и даже купить машину. Только где взять этого олигарха? Только разговоров – олигарх, олигарх... Ну, а как туда попасть, до олигархов? Кто её туда пустит? Она даже не знает, куда это надо идти.

Есть ещё девочки, которые ночью выходят на трассу. Это, конечно, похуже, чем гостиничная путана, но зато там полная демократия. С ментами договориться, и работай на здоровье. Тюля за год работы на трассе оделась с ног до головы, салоны красоты там всякие, солярии.

Честно говоря, Марина один раз попробовала. Как-то договорилась с Тюлей, одела юбку покороче, помаду поярче и подсумок с необходимым инвентарём через плечо навесила. Наблюдавшая за её сборами Тюля сказала:

- Лучше колготкиними и чулки одень.
- Зачем? – спросила Марина.
- Удобнее будет, – ответила та и чему-то усмехнулась.

Марина пожала плечами и стала переодеваться. Потом она вдруг села на диван и сказала, глядя в пол:

– А знаешь, я как-то книжку читала... Но не про вампиров там всяких, а типа церковную. Чего-то вспомнила сейчас. Там написано, что все люди делятся на овец и козлищ.

– Я козлище, – Тюля кивнула крупной головой. Потом она подняла глаза на Марину и добавила: – И ты козлище.

В комнате повисла тишина. Потом Марина спросила:

- И тебе нравится быть козлищем?
- Ага, – угрюмо ответила Тюля и, закинув ногу за ногу, щёлкнула зажигалкой.
- А мне нет, – тихо сказала Марина.
- Ты что сегодня ела? – спросила Тюля.
- Вермишель, а что?
- А вчера?
- Картошку пожарила.
- А в сауне когда была?

Марина с удивлением посмотрела на Тюлю и пожала плечами:

- Вообще не была, дома моюсь.
- А я вчера ела карпаччо из телятины. Потом крем брюле и кофе-гляссе из трубочки.

А сегодня вот на пять часов ходила к маникюрше своей. – Тюля вытянула мощную ногу и пошевелила пальцами с красными ногтями. – Педикюр, видишь?

Она глубоко затаилась и выпустила клуб дыма.

– Не хочешь быть козлищем, говоришь? Это хорошо. Значит, будешь овцом. Как жрать захочешь, будешь, значит, таким как я, козлищам педикюр делать. И депиляцию волосяного покрова в зоне бикини. Гы... А я буду жрать крем-бруле.

- А платить?
- Чего платить?

– Так, говорят, за всё платить нужно. А получается, что всё как бы даром это тебе. И крем-бруле, и депиляция. А даром только сыр в мышеловке. Есть такая французская поговорка.

Тюля пристально посмотрела на Марину и задумчиво сказала:

– Вообще-то там у нас такие умные не приживаются. Нервы не выдерживают. Ну, давай, выдай ещё чегонибудь. Что там ещё в книжках французских написано?

– Французских? – Марина задумалась. – А, написано, да. Вот один мужик там шкуру одну нашёл, вроде как волшебную. Называлась типа «шагреновая кожа». И у него начались

исполняться желания. Но кожа каждый раз стала уменьшаться, как бы ссыхаться. А эта кожа – типа душа его была. И, чем сложнее желание было, тем больше ссыхалась кожа. Поняла?

– Душа? Ссыхаться? – сморщилась Тюля. – Ну, и где эта душа? Вот у тебя, где? Можешь показать?

Марина приложила ладонь к солнечному сплетению.

– Сиськи, что ли? Тогда душа у тебя ничего, даром, что сама малая. Мужики любят, когда так, – усмехнулась Тюля. – Вот и надо, пока не начнут ссыхаться успеть.

– Что успеть?

– Бабок наколотить и замуж выйти.

– Замуж?

– А что? У нас уже полно девчонок так повыводили. Ну, понятно, не за местных.

– И что, по любви? – спросила Марина.

Тюля опять чему-то грустно усмехнулась.

– Любовь-морковь... Знаешь, как у нас девки говорят? Любовь придумали мужчины, чтобы не платить деньги. Всякого разного повидаешь, тут без книжек твоих умной станешь. И ещё говорят – мужики платят не за любовь, а за право тебя больше никогда не видеть. Так что с любовью пролёт у нас полный.

– Так, может, это и есть плата? – спросила Марина. – За бесплатный сыр в мышеловке?

– Может и есть, – безразлично хмыкнула Тюля. – И не одна эта плата. Раз уж спросила, подруга, то скажу тебе. Девка вот поработает так, ну, годик, два, так с сексом потом у неё совсем плохо. Очень похоже на то, как я один раз у азеров каких-то обожралась икрой чёрной, порыгала аж. Бутербродиков там пара, правда вкусно? А я с тех пор как-то равнодушной к икре стала. Так чем книжка-то закончилась про шкуру волшебную?

– Шагреневую кожу? Ну, когда сохлась она совсем, то мужик тот ласты склеил.

– Я так и думала.

Тюля поднялась, оправила юбку на мощных бёдрах и сказала:

– Так ты идёшь или как?

Марина встала, сняла с шеи цепочку с серебряным распятием и положила его в шкатулку.

– Пошли, – сказала она, перекинув сумку через плечо.

В общем, стали тогда с Тюлей на Окружной. Тюля девушка видная, но только издали или в сумерках. А Марина наоборот, фигурка точёная, но мелкокостная. Когда машины подъезжали поближе, то, понятно, интересовались только Мариной. Тюля уже и злиться начала, но потом какая-то компания подобрала их и повезла в сауну. Там немного выпили, попарились с дубовыми вениками, Марине даже сначала понравилось. Ну, а потом, когда дошли до дела, Марина обнаружила полную профнепригодность. Такое накатило вдруг, прямо не ожидала. Даже пенделя под пятую точку получила от быка какого-то, когда стала в панике чулки натягивать, даже полотенцем вытереться не успела. Тюля после той истории с ней даже не здоровается.

А замуж она уже пробовала. И, честно говоря, не один раз. Но в последний момент всё срывалось, прямо мистика какая-то. Хотя с Александром с самого начала было как-то не так, как с другими. Тогда, в первый день знакомства он купил ей ярко-красную розу и пригласил в ресторан. Было видно, что Саша к ресторану непривычный. Да и она сама тоже не очень. О себе Саша сказал только, что он бывший военный лётчик. Пилот транспортной авиации. Ну, это как раз понятно, не укротитель тигров, так лётчик. Саша поставил розу в вазочку, которую принесла официантка и весь вечер украдкой смотрел на Марину. И даже песню для неё тогда заказал. Гитарист-бригадир, получив деньги, пошептался с музыкантами и сказал в микрофон:

– Эта песня прозвучит сейчас для Марины.

Две девушки-вокалистки, синхронно покачивая бёдрами, неожиданно красиво запели «Mammy Blue».

Oh, mammy... Oh, mammy, mammy blue...

Мне грустно, мама...

Марина никогда не могла так сказать своей маме. Ну, и папе-капитану тоже. Никому... Может Саше?.. На глаза ей вдруг навернулись слёзы. Она отвернулась и украдкой смахнула их с ресниц.

А вообще Саша был похож на зэка. Небольшого роста, с коричневым от загара лицом и шрам через весь нос. Но разговаривал не как зэк и без татуировок. А потом она сама не заметила, как влюбилась в него. Всю свою проклятую коноплю собрала и выбросила в мусоропровод. А, может, неправильно Тюля говорит? И она не козлице? Может и у неё есть ангел-хранитель? В той книжке было написано, что есть у всех, кого крестили. Она как-то спросила у мамы, крещёная ли она. Мама грустно усмехнулась чему-то и сказала, что да. Значит есть ангел-хранитель. Может, это он дал ей пенделя под пятую точку тогда в сауне? Марина даже стала прикидывать, как она разменяет квартиру, и они с Сашей поженятся. Будто крылья за спиной выросли тогда.

Но ненадолго. Потому что вскоре опять началась эта самая мистика. Саша однажды вдрызг напился, Марина никогда его таким не видела. И начал на неё орать, как сумасшедший. Что, мол, всё, кончен бал, догорела свечка. И огромный букет жёлтых роз всё норовил ей всучить. У Марины тогда прямо оборвалось всё внутри. Опять! Что за проклятие, которое не даёт ей выйти замуж! Железный обруч впился ей в грудь, и из глаз хлынули слёзы. Марина швырнула цветы в его пьяную рожу и закричала:

– Ну почему я такая несчастная? Почему!? Отвечай, гад, почему!?

Придя домой, Марина выпила из горла бутылку портвейна, вытерла слёзы и надела юбку как у Красной Шапочки. Потом стала на копыта, взяла подсумок и пошла на Окружную. Чем хуже у девушки дела, тем лучше она должна выглядеть. Если мадам Коко Шанель была права, то она сейчас должна выглядеть просто потрясающе. Но, видно, не суждено ей быть ни чьей-то женой, ни проституткой. Нет этого в линии её судьбы, ни одного, ни второго, нет, хоть убейся! Поэтому Марину тогда забрал с Окружной милицейский патруль, у которого в тот день как раз началась декада борьбы с проституцией. Девчонки на трассе быстро друг друга по мобилкам предупредили, а Марина новенькая, и к тому же от портвейна её так разобрало, что еле на ногах держалась. В общем, подкатил луноход, выскочило оттуда трое молодцов с автоматами наперевес и забрали её в РОВД, где заперли до утра в обезьяннике.

Ну, а Александр, когда Марина ушла, некоторое время рассматривал рассыпанные по полу жёлтые розы, а потом вылил в стакан остатки водки и достал из ящика стола кассету. Удивлённые соседи до полуночи не могли заснуть, слушая, как за стеной во всю мощь орёт магнитофон, и обычно такой тихий сосед истошно выкрикивает слова каких-то незнакомых военных песен:

Мы в строю, твёрже шаг!
Выше стяг, до небес!
Той войны чумовой косяк
До сих пор нам один на всех!!!

Мы в строю, надо нам
Что-то там говорить,
В наших душах живёт Афган,
Нам его не забыть!!!

А через несколько дней Марина совершенно случайно столкнулась на улице с Сашей. Он остановился, раскрыл рот и, как загипнотизированный уставился на неё.

– Привет, Саша, как жизнь, давай встретимся? – улыбнулась, как ни в чём не бывало, Марина.

Александр выдавил из себя:

– Да, наверное, не надо.

А потом вдруг схватил её, как ненормальный, и начал молча целовать. В лицо, в губы, в волосы. А после повернулся и ушёл. Больше Марина его не видела.

Глава 2

1

Небо здесь такое синее, как будто над ним поработал начинающий пользователь фотошопа. Над кронами эвкалиптов, которые подходят прямо к воде, подрагивает прозрачное марево, распространяя в воздухе дурманящий терпкий запах.

Вот Волковой русский. Тогда почему ему не снится родина с пресловутыми берёзками? Почему ему хорошо здесь? Может быть потому, что после возвращения из Афгана его родина с берёзками показала ему жирный кукиш? Прямо под его сломанный во время аварийной посадки в Кандагаре нос? Шарахнуло его тогда о приборную панель от души. Кровью всё позаливало, так и не отмыли. Те годы, которые он провёл на родине, Волковой не забудет никогда. Казалось, закончится Афган, и, наконец, можно будет жениться и начать жить. Собственно, он и пытался. Но жизнь в обновлённой родине оказалась похожей на затяжную хроническую болезнь. Не умрёшь, но неизвестно, что лучше. Правда, кое-кто из них устроился. Например, замполит, майор Шуйский. Кадровик «Президент-отеля» как увидел послужной список Шуйского, а там одни горячие точки, и везде «заместитель по политической части», так сразу и сказал: «Молодец, замполит, нам такие орлы нужны. Только нужно будет бороду отрастить». Выдал ливрею с золотыми позументами и взял швейцаром на главный вход. Но многие из тех, кто вернулся, поспивались, а кто и свёл с этой жизнью счёты более радикально.

Тогда, два года назад, голодный и небритый капитан военно-воздушных сил Советского Союза в отставке Волковой сидел на стуле посередине полупустой съёмной квартиры и размышлял, что ещё можно отнести в ломбард. На вырученные деньги он тогда купил несколько пачек макарон, пять килограмм картошки и литр подсолнечного масла. А потом каждый день искал работу.

Везде, где можно было хотя бы теоретически устроиться на лётную работу, ему отказывали. Предложение вдруг стало настолько превышать спрос, что Волковому с его контузией фэйсом о приборную панель транспортного АН-12 просто не на что было надеяться. В швейцары его тоже не брали – мелковат по комплекции. Даже в рекламные агенты туристической фирмы не взяли. Из-за шрама, мол, будет пугать дам-туристок.

Потом Волковой отнёс в ломбард золотой николаевский червонец, подаренный его отцу бабушкой в день, когда родился Александр. А под конец осталась только тонкая золотая цепочка, на которой висел маленький нательный крестик. В конце концов, ушла и эта золотая цепочка.

И Маринка тогда тоже ушла. Вернее это он сам сделал так, чтобы она ушла. А что он ей мог дать? Покатать на карусели? Или троллейбусе? Маринка, вон какая. Что она в нём нашла с его кривым шнобелем, ста семьюдесятью сантиметрами и пустыми карманами?

Так проходил день за днём, ничего не меняя в его жизни, если не считать увеличения числа пустой стеклотары на кухне, пока однажды вдруг не зазвонил телефон. Волковой снял трубку и услышал голос командира их лётного отряда майора Баранова. Вернее, бывшего командира и бывшего майора.

– Волковой? Нужно поговорить. Работа нужна?

– Да, – хриплым от волнения голосом сказал Волковой.

– Значит, слушай, ситуация такова. Ты помнишь Витю Замазанова из нашего отряда?

– А чего ж не помнить, вместе с ним не летал, а так помню. Первым пилотом на АН-12 был, да?

– Да. Я его пристроил на одну частную фирму. Транспортная компания в Африке. Первым пилотом на АН-26. Он был доволен. А потом вроде нашёл себе более спокойную работу, тоже пилотом на «Сессну». Возит туристов на какое-то сафари на самом юге Анголы. Где-то возле границы с Намибией. Я с ним по скайпу говорил недавно, он доволен. Хотя и зарплата, я так понял, сильно поуменилась. Вот, можно на его место, первым пилотом на АН-26.

Дальше Волковой уже не слушал, потому что уже всё знал.

– Откуда и куда летать? – механически спросил он.

– Юго-восток Африки. Полёты из Того на юг Анголы через Гвинейский залив.

– А что там платят?

– Не знаю. Замазанов был доволен. Владелец фирмы мистер Куртис всё скажет на месте при собеседовании. Я уполномочен только передать, что оплата за каждый полёт будет достойная.

– А что возить?

– Догадайся сам, Волковой, зачем хозяину нужны пилоты с боевым опытом в Афгане, – с некоторой задержкой сказал Баранов. – Не бананы на базар возить, это точно. Но и не наркотики. А за остальное будут платить. Думаю, будешь доволен. Хотя, смотри сам. Многие после Афгана стали совсем другими. Я тебе честно сказал, что Замазанов свалил оттуда. Я ж не вербовщик, понимаешь.

Волковой вздохнул. Кажется, судьба подсовывает ему шанс. Ну, что же... Может он ещё и способен сделать какую-нибудь женщину счастливой...

– Когда вылетать? – спросил Волковой.

– Я знал, что ты так скажешь, – сказал Баранов. – И знаешь, я рад, что смог тебе помочь. Ты пилот, Шурик. А пилот не должен сторожить овощную базу. Ну, конечно, может, проживёт чуть меньше сторожа, это да. На то он и пилот военной авиации. А вылетать через неделю. Я тебе оформлю гостевую визу, и билеты на самолёт.

Но изобретательной судьбе, видно, всего этого было мало. Поэтому, когда у Волкового в кармане уже лежали билеты до Бургаса, откуда он должен был вылететь в Ломо, где находилась контора мистера Куртиса, он встретил Марину. Она шла с авоськой, в которой лежали какие-то овощи. Что-то нашло на него тогда. Начал вдруг целовать её, прямо на улице, как ненормальный.

2

С тех пор и не снятся Волковому ни берёзки, ни русские девушки. Вместо них ему почему-то стали нравиться негритянки. В цветастых обтягивающих бёдра платьях, в ярких крупных бусах, всегда жизнерадостные и улыбчивые. А как они танцуют!

Вот и жирному Цукерману они нравятся. Хотя с его зарплатой он мог бы себе позволить поразвлекаться с мулаткой или даже с настоящей белой. Так нет, после каждого удачного рейса Волкового Цукерман расслабляется в номере отеля с тремя негритянскими барышнями. Да ещё и не всегда расплачивается с ними. В республике Того проституция не преследуется законом, её просто, как бы нет. Поэтому обиженная чёрная девочка однажды явилась в полицейский участок и накатала на Цукермана заявку, мол, не расплатился за выполненную работу. А вот с этим здесь строго. Поэтому в номер Цукермана явился местный полисмен в огромной форменной фуражке с замысловатой кокардой, навёл на него пистолет и заставил расплатиться. Да ещё и забрал у Цукермана все бутерброды и три бутылки пива.

Резкий рингтон мобильного вдруг нарушил тишину.

– Есть проблемы, командир, – сказал голос в трубке.

– Ну говори, слушаю, – сказал Волковой и сделал большой глоток из бутылки с пивом.

– Температура газов за вторым контуром больше семисот градусов. В «Наставлении» написано, что бортинженер в таком случае должен выключить двигатель и доложить кавээсу¹. Вот докладываю.

Волковой поставил бутылку на столик и задумчиво почесал затылок.

– Гриша, а что, это серьёзно?

Бортинженер Бутлеров, немного помолчав, ответил:

– Вообще-то в самолёте всё серьёзно. Например, то, что наш Антон выработал уже два эксплуатационных ресурса.

В трубке повисла тишина. Потом Волковой спросил:

– Гриша, ты аванс получил?

– Да, – ответил Бутлеров. – У Цукермана, сегодня. А что?

– Ну, вот. И я получил. И Витя тоже. И груз срочный. – Волковой взял со столика бутылку и уставился на надпись «Суса» на этикетке. – Понимаешь, Гриша, они найдут другой самолёт. И другой экипаж. Ну, ты понял. А Антона и ремонтировать не станут. Впарят какому-нибудь плантатору бананы перевозить с плантации. И всё, Гриша. Всё станет, как раньше. Ты помнишь, как у тебя было раньше?

– Помню. Значит, летим? – спросил Бутлеров.

– А что, этот перегрев и всё? – спросил Волковой.

– Из нового всё. А старое ты сам знаешь. Правое шасси заедает при выпуске. Генератор работает, но почему, я не понимаю. Аккумуляторы я десульфатизировал, зарядил, вроде тянут.

– Я напишу Цукерману докладную, – сказал Волковой. – Как вернёмся. А пока летаем ещё раз. Ты как?

– Нормально... – вздохнув, ответил Бутлеров.

– Ну и я нормально, – улыбнулся Волковой. – Значит, вылетаем сегодня в двадцать два ноль-ноль. Горючее принял?

– До места и обратно, с учётом встречного ветра над заливом, плюс резерв четыре тонны. Больше Цукерман не даёт, – сказал Бутлеров.

– Грузовой отсек опломбирован?

– Да, Казбек сам поставил пломбу.

– Ну, до вечера, – сказал Волковой и выключил телефон.

Потом он не спеша допил оставшееся в бутылке пиво и растянулся в шезлонге.

3

Немного дальше, там, где кончается эвкалиптовая роща, начинается пляж. Песок тут белый, как манная крупа. Если по нему ударить пяткой, то раздастся свист. Вдали от берега вода такого же густого синего цвета, как и небо. Ближе она становится бирюзовой и такой прозрачной, что несколько утлых деревянных лодок, находящихся в лагуне, кажутся парящими в воздухе.

Всё-таки, есть судьба или это всё выдумки? А, если это выдумки, то что это за сущность, которая носит пилота первого класса Волкового по разным беспокойным местам? И не просто носит, а тычет носом в эти беспокойные и горячие места? От этого нос у Волкового сломан в двух местах. Это память о жёсткой посадке в Кандагаре. Приборную панель тогда так и не удалось до конца отдраить от въевшихся бурых пятен. И вот ещё, кстати, а почему все эти самые точки горячие? Везде минимум плюс тридцать пять в тени, а максимум это вообще, как повезёт. А, если уже плюс двадцать пять, то всё, там спокойно. Во всяком случае, из «Стингера» по тебе не пальнут. Но и денег там таких тебе тоже никто не заплатит.

¹ КВС – командир воздушного судна.

Когда же это всё началось? Может, когда Волковой поступил в Балашовское военное авиационное училище? Подавал сначала в Краснодарское, хотел быть лётчиком-истребителем. По комплекции вроде подходил, компактный, первый разряд по гимнастике. Но старый доктор на медкомиссии расслышал какие-то не те тоны в сердечном ритме и забраковал Волкового. Этот же доктор и посоветовал ему подать документы в Балашовское, на транспортную авиацию. Мол, с таким сердцем в транспортную возьмут, остальное у него в порядке. А на истребитель, извини, нельзя, слишком дорого стоит государству обучение пилота-истребителя. Транспортная авиация это второй эшелон. Как лошадь-тяжеловоз по сравнению с лихим скакуном. Но горячий боевой конь даже не сдвинет с места то, что тащит флегматичный першерон.

Потом было распределение в Афган. Шурави Шурик, сидя за штурвалом справа от командира транспортного АН-12, возил через Гиндукуш десантников и технику. Ну и обратно, понятно, не порожняком, а с Грузом-200. Иначе говоря, с цинковыми гробами. Потому что транспортник АН-12 это и есть этот самый «Чёрный тюльпан». Вот, наверное, тогда и перемкнулось что-то в голове у лейтенанта Волкового.

...Если зайти в лагуну метров на двадцать, то воды будет по пояс, и можно даже увидеть, как внизу проплывает небольшой скат. Сразу за лагуной начинается залив Бенин, который является частью Гвинейского залива, за которым уже аж до Америки будет Атлантический океан.

Всё-таки в Африке жить можно. Особенно, если время от времени вспоминать Афган. Да, здесь жарко и тоже могут подстрелить. Но, пока не подстрелили, жить можно. Да и ангольцы помягче будут, пороха у них поменьше, чем у моджахедов и наших чеченов. Хотя и в синем небе Жамбы можно запросто нарваться на проблему. От дырки в фюзеляже после очереди из автомата АК-47М до полного фарша от американского «Стингера» или своей родной «Стрелы».

В кармане потёртых джинсов Волкового лежала пачка долларовых купюр. Их он сегодня получил от управляющего филиалом компании «Куртис Аэрофлай» мистера Грегори Цукермана. Это аванс за рейс. Одну купюру Волковой по дороге на пляж поменял в банке на местные франки. Из аванса нужно будет заплатить за номер в отеле и часть денег перевести на свой счёт в одном из банков Триполи. Хотя, честно говоря, столица Ломо, находящаяся на юго-западе республики Того, тоже вполне спокойное место. Можно даже отдохнуть в шезлонге под тенью эвкалипта за стаканом какого-нибудь трёхслойного коктейля, который продают в пустом пляжном баре.

Иногда, когда вечером солнце вертикально ныряет за горизонт и поэтому можно легко определить, где север, Волковой долго смотрит в этом направлении. Если каждый день проходить по двадцать километров и идти по прямой, то за три года можно вернуться туда, где осталась Марина. Затянувшаяся рана. Но, если к ней притронуться, то она болит тянущей надсадной болью. Поэтому он старается этого не делать.

Девчонки есть везде. И в Африке и даже в Афгане. Вообще к местным чернокожим волшебницам Волковой так привык, что все белые девушки теперь ему кажутся узкогубыми, с приспущенными попами и чересчур умными. Хотя, конечно, здесь нужно соблюдать осторожность. Белый мужчина для местных девушек лакомый кусок. Можно так влипнуть, что мало не покажется. Что-что, а скандалить здешние чёрные принцессы не стесняются.

Но даром только сыр в мышеловке. Сегодняшний ночной рейс из Ломо в район Куэбе, это и есть та гиря, которой уравнивается вся эта райская картинка. В этой гире множество составляющих винтиков. От калаша в руках какого-нибудь очередного борца за освобождение народа Анголы, до реальных винтиков и шпунтиков тридцатилетнего АН-26.

Сейчас, конечно, уже не те времена, когда был жив неукротимый генерал Савимби, контролирующий весь юго-восток Анголы. Но, с другой стороны, тогда в Анголе было полно русских, которые обслуживали и ремонтировали самолёты. А, если кого и сбивали, то сразу

организовывался десант, прыгали из МИ-8 и искали пропавших. А, когда сбивали юаровский «Мираж», то фотографировали разбитую машину и мёртвого лётчика, а фотографии потом печатали в листовках «Так будет с каждым, посягнувшим на независимость Анголы». А потом настоящая война закончилась, «Чёрного петуха» генерала Савимби прикончил то ли кубинский спецназ, то ли сами ангольцы, а Советский Союз стало так трясти в перестроечной лихорадке, что ему стало не до построения коммунизма или хотя бы социализма в Анголе.

Но борцы за освобождение народа никуда не делись. Наверное, они будут всегда в этих жарких странах, где есть плохо охраняемые правительством алмазные копи и нефтяные скважины. Повстанцы расплачивались за оружие прямо на месте алмазами с контролируемых ими копий. А оружие им нужно чтобы продолжать удерживать эти алмазные копи, которые стали богатством и проклятием Анголы с тех пор, как полковник португальской армии Бранаго де Мелу обнаружил на берегу реки Чикапа кимберлитовую трубку с алмазами.

Плохо только, что чинить старую тягловую лошадь АН-26 некому. Владелец «Куртис Аэрофлай», мистер Майкл Куртис, этим не интересуется. Волковой видел его всего один раз, при приёме на работу. Упитанный тип с наглыми глазами, с пивным животом, в красной рубашке и шортами до колен. Говорят бывший полковник ВВС Советского Союза. В беседе-вании при приёме на работу мистера Куртиса интересовали только три вещи – чтобы у Волкового не было семьи, чтобы он имел первый класс и чтобы был опыт боевых вылетов в Афгане. Не было семьи, это чтобы было проще отбиваться, если кто-то из экипажа погибает или пропадает без вести в тропических лесах.

Жирному Грегори Цукерману, который сегодня занимается погрузкой тёмно-зелёных ящиков из дальнего ангара на аэродроме Ломо, наплевать на состояние самолёта и подавно. Что-то там подкручивает и подтягивает бортмеханик Бутлеров. Был ещё штурман, но с появлением системы навигации GPS эта профессия на таких каботажных рейсах, какими летает Волковой, кажется, стала ненужной. Вроде линотиписта в типографии или пляжного фотографа.

Самолёт Волковой вместе со вторым пилотом Пилюгиным приводят к месту назначения сами по показаниям бортового навигатора GPS и курсовой системы. Нет, конечно, на ИЛ-76, который доставил из Бургаса в Ломо те ящики, что сейчас грузят в его самолёт, штурманы есть. Но на ИЛ-76 Волкового не возьмут, даже, если кто-то его и порекомендует. После той контузии в Кандагаре он просто не пройдёт медкомиссии.

Старый АН-26 когда-нибудь развалится в воздухе. Может, откажет турбина, а, может, какой-нибудь борец за свободу народа запустит по нему «Стингер», которые вполне возможно сейчас грузят в чрево самолёта чернокожие ребята на аэродроме в Ломо.

Не то, чтобы Волковой не боялся смерти. Он просто о ней не думает. И это у него получается. Может быть потому, что тогда, когда он сидел за правым штурвалом «Чёрного тюльпана», а у него за спиной в грузовом отсеке стояли запаянные цинковые гробы с восемнадцатилетними мальчишками, у него что-то перемкнуло в голове. А потом ещё шарахнуло в Кандагаре. И тоже головой о панель. Поэтому он вообще не очень любит думать. Это очень хорошая черта. Без неё лучше и не соваться в эти жаркие места.

Глава 3

1

Борис Симкин по прозвищу Казбек являлся правой рукой управляющего филиалом «Куртис Аэрофлай» Грегори Цукермана. Хотя Волковой подозревает, что настоящим хозяином Симкина является не жирный Грегори, а владелец «Куртис Аэрофлай» мистер Майкл Куртис. Тот самый тип с пивным животом в красной рубашке и бермудах по колено, которого он когда-то видел. Казбек являл собой продукт союза чеченки и еврея. Можно сколько угодно удивляться тому, как причудливая судьба свела Нонну Томаеву с Михаилом Симкиным, но факт остаётся фактом. Внешний облик Казбеку передала его чеченская мама, ну, а ум и фамилию – еврейский папа. Благодаря такому счастливому стечению обстоятельств, в общем-то, ничего конкретно не умеющий делать Казбек, ценился мистером Куртисом за преданность, унаследованную от маминых предков, и гибкий ум, переданный по линии папы. Поэтому Казбек стал доверенным лицом Куртиса в филиале Ломо. Чернобородый Симкин, вооружённый автоматом Калашникова, являлся четвёртым человеком на борту транспортника АН-26, совершавшего ночные полёты из республики Того в район реки Куэбе на юго-западе Анголы. Именно Казбек получал всегда оплату за доставленный товар. Как правило, это были необработанные алмазы, которые он перевозил в кожаном мешочке, покоящемся на его груди.

Тропические сумерки коротки. В этих экваториальных широтах их практически вообще нет. Солнце вертикально садится за горизонт, и через полчаса всё погружается в полную темноту. Но, самое непривычное то, что это происходит всего в шесть часов вечера. А завтра в шесть утра снова взойдёт солнце, и через двадцать минут наступит тропический день.

2

- Экипаж, взлетаем. Рубеж – 200, – отдал команду Волковой.
- Двигатели на номинальном, – доложил бортмеханик.
- Волковой плавно отпустил педали тормозов и самолёт покатился по взлётной полосе.
- Скорость сто, сто двадцать, параметры в норме. Сто пятьдесят, сто восемьдесят, рубеж!
- Взлет продолжаем, – скомандовал Волковой и плавно взял штурвал на себя.
- Отрыв! – доложил Бутлеров.

Самолёт оторвался от взлётной полосы и, набрав высоту, лёг на курс юго-восток. Через несколько минут он растворился в чёрном бархате тропического неба. Когда самолёт набрал высоту шесть тысяч метров, стал вновь виден закат над Гвинейским заливом. Оранжево-чёрная полоса гигантским полукругом опоясывала горизонт справа от летящего самолёта.

Закатный свет проникал в кабину через правое остекление и заполнял пространство причудливыми бликами и тенями. На экране GPS-навигатора янтарной линией были очерчены контуры береговой линии этого района Западной Африки. Зелёной линией был отмечен проложенный маршрут полётного задания. В начале этой линии яркой красной точкой фиксировалось текущее положение самолёта. В левом верхнем углу высвечивалась количество принимаемых спутников, ниже скорость и текущие координаты, в правом – пройденное расстояние и расстояние до конечного пункта. Что ещё нужно штурману для полного счастья?

Через час полёта оранжевая полоса заката сузилась сначала в тонкую нить, а потом исчезла совсем. Кабина освещалась только подсветкой круглых шкал контрольных приборов и светом взошедшей луны. Её призрачные отблески мерцали где-то внизу в тёмных водах Гви-

нейского залива. Справа по курсу на чёрном бархате неба ярко сияли пять звёзд Южного креста.

Красный курсор положения самолёта приблизился к контуру береговой линии. На счётчике километража триста сорок километров. Значит внизу берег Нигерии. Волковой прильнул к левому остеклению кабины, силясь в чернильной мгле разглядеть какие-нибудь огоньки береговой линии. Внизу действительно показались еле различимые светлячки. Это тебе не ночная гуляка Европа, залитая ночью светом рекламы и уличных фонарей, видимых из космоса. Африка самый тёмный континент на ночной стороне планеты. Почти такой, как спящий Атлантический океан.

– Произвожу корректировку курса, – сообщил Пилюгин. Автопилот выключен.

Через некоторое время красный курсор на экране навигатора вновь лёг на зелёную линию курса.

– Курс 310. Перехожу на автопилот.

Волковой откинулся в кресле и закрыл глаза. Как обычно, Пилюгин будет вести самолёт до захода на посадку. Да и сам заход будет выполнять он. Волковой в это время будет смотреть вниз и пытаться увидеть посадочные огни. Как правило, зайти на курс посадочной глиссады удаётся не с первого раза. Тем более, что глиссады-то никакой на самом деле нет. Поэтому на снижении за левый штурвал садится Волковой. А до этого можно дать глазам отдохнуть и вздремнуть.

Курсовая линия навигатора вновь приблизилась к африканскому берегу.

– Под нами Габон, – сказал Пилюгин. – Через сорок минут мы будем над территориальными водами Анголы.

Значит, минут тридцать Волковой ещё может покемарить. Он должен сохранить силы и остроту зрения для посадки. Почему-то каждый раз в этом месте он начинает думать об одном и том же.

Когда-нибудь он перестанет летать и откроет собственное дело. Он уже всё продумал. Это будет фирма, организующая сафари в саванне на севере Того. Три-четыре крытых джипа с усиленным кузовом с туристами будут выезжать из Ломо и углубляться вглубь страны, где в бескрайней саванне можно встретить диких слонов, антилоп и зебр. Затем импровизированный лагерь, горящие костры для отпугивания хищников, «Джонни Уокер» из настоящих армейских фляг, шашлыки из мяса дикого козла и ночёвка в саванне. На следующий день посещение туземной деревни, этнографическое представление с танцами и настоящим шаманом. И третий день отдых на пляже в Ломо, эвкалиптовая роща, коктейль «Поцелуй тропиканки» и дайвинг в лагуне. Нужно будет открыть пару офисов, для начала можно только в Москве и запустить рекламу. Ну и конечно визовая поддержка, трансфер Москва-Бургас-Того, бронирование номеров в отеле. Но на всё это нужны деньги. Значит, ещё летаем.

Новая родина дала ему уют, счёт в банке, возможность почувствовать себя мужчиной, а главное она дала ему работу! Правда, опасную, поэтому долго на ней не протянешь. А что мужчина без работы? Так, биологическая особь со вторичными мужскими признаками.

– Командир, входим в воздушное пространство Анголы, – доложил Пилюгин.

– Навигационные огни выключить, режим радиомолчания.

С этого момента начинается самый опасный участок маршрута. Может случиться что угодно. Конечно серьёзных средств ПВО, например, зенитно-ракетного комплекса «Оса» или даже старинного С-75, с тех пор, как русские уехали домой, в этих местах уже нет. Но какой-нибудь шальной зенитчик, которому почему-то не спится в такое время, может вполне открыть огонь из скорострельной зенитной пушки «Шилка». Ну и ещё «Стингеры» и «Стрелы», которых здесь осталось предостаточно.

Конечно, диспетчер на башне в Луанде уже видит их на экране локатора. Если бы самолёт приближался с юга, то диспетчер, скорее всего, поднял бы переполох. Может быть, даже

какой-нибудь уцелевший МИГ-21 подняли бы на перехват. Но с юга уже давно никто не летает, а севера мало ли кто там может лететь над Атлантикой. Хотя большинство нормальных людей в такое время здесь спят. Поэтому и летает их Антон по ночам.

Красный курсор уже почти в конце зелёной линии. Вот сейчас и начнётся то, за что «Куртис Аэрофлай» платит Волковому и Пилюгину их зарплату. Это посадка в ночной саванне.

– Командир, район Куэбе, мы на месте, – доложил Пилюгин.

– Включить радиомаяк, – сказал Волковой.

Бутлеров пощёлкал переключателями.

– Радиомаяк включён. Системы работают штатно. К посадке готов.

Волковой поправил гарнитуру, выпрямился в кресле и сказал:

– Экипаж, внимание! Заходит на посадку второй пилот до ВПР, посадку выполнять буду я. Посадка с реверсом. Скорость на глиссаде двести двадцать, торец двести, посадочная сто восемьдесят. При уходе на второй круг по прямой двести, круг правый, высота пятьсот.

– Командир, понял, – доложил бортмеханик.

– Командир, понял, – повторил второй пилот.

Внизу справа показались две едва различимые полоски мерцающих огней. Это грузополучатель, приняв сигнал радиомаяка с борта АН-26, зажгёт вдоль посадочной полосы костры. Посадочная полоса Куэбе представляла собой выровненную и утрамбованную танками ещё во времена УНИТА² полосу длиной полтора километра.

– Вижу ВПП, – сказал Волковой.

– Высота девятьсот, скорость триста десять, – сказал Бутлеров.

– Вижу ВПП, захожу на круг, – доложил Пилюгин.

Две полоски посадочных костров временно пропали из вида и через несколько минут показались вновь прямо по курсу.

– Высота четыреста, скорость двести восемьдесят, снижение десять метров, – доложил Бутлеров. – Высота триста восемьдесят, триста пятьдесят. Командир, точка ВПР³!

Волковой положил руки на штурвал.

– Экипаж, садимся! Управление принял. Включить фары. Вхожу в глиссаду. Выпустить закрылки. Выпустить шасси.

Пилюгин убрал руки со штурвала. С этого момента он должен дублировать голосом показания выотомера.

– Высота сто восемьдесят, сто пятьдесят, снижение десять... .

– Скорость двести.

– Высота тридцать, есть торец.

Вынырнув из окружавшей темноты, с обеих сторон мимо садящегося самолёта понеслись огни горящих костров.

– Скорость сто восемьдесят.

– Двадцать, пятнадцать, десять, пять!

Послышался глухой удар от касания основной опоры шасси, самолёт затрясся и покатился по посадочной полосе. После этого последовал ещё один толчок от касания передней стойки, и через несколько секунд Волковой скомандовал:

– Включить реверс!

Лётчики, особенно те, которым приходится садиться ночью без радиообмена с диспетчером на посадочную полосу, обозначаемую кострами, народ суеверный. Поэтому после полной остановки самолёта все молча оставались на своих местах. Казбек, за весь полёт не проронивший ни слова, встал, забросил за плечо свой автомат и так же молча пошёл к входной двери.

² Национальный союз за полную независимость Анголы

³ Высота принятия решения

Так было всегда. Казбек спустился по приставному трапу вниз и ушёл куда-то с такими же молчаливыми чернокожими людьми, поджидавшими его внизу.

Пока Пилюгин задраивал за Казбеком входную дверь, Бутлеров достал из инструментального ящика квадратную бутылку «Джони Уокер» с чёрной косо́й этикеткой и три одноразовых пластиковых стаканчика. Первый стаканчик, наполненный до краёв коричневым шотландским виски, Бутлеров протянул Волковому. Самый трудный участок ночного полёта, посадочная глиссада, всегда на нём, на их кавээсе, от искусства которого напрямую зависит их жизнь. Второй стаканчик – правачу Пилюгину. Сегодня он мастерски, с первого круга зашёл в створ глиссады. Ну, и третий Бутлеров наливает себе. Потом он выплеснул часть содержимого бутылки на пол. Тут тоже жалеть не надо, это Антону. Чокнулись молча, без тостов.

Глава 4

После ночной посадки на базе Куэбе Волковой всегда спал как убитый. Проснулся он около шести утра, разбуженный вознёй и криками незнакомых чернокожих людей в камуфляжной форме, разгружавших самолёт. Руководил разгрузкой Казбек. Волковой выбрался из гамака, подвешенного на крепёжных скобах поперёк грузового отсека, и подошёл к открытой двери.

Чтобы посмотреть на пейзаж, открывшийся перед ним в эту минуту, богатые туристы платят бешеные деньги. До самого горизонта простиралась дикая саванна. На востоке, сливаясь с линией горизонта, чернела полоска гор, из-за которых поднималось солнце. На фоне алеющего неба силуэты нескольких баобабов выглядели диковинными сказочными исполинами. Неподальку от взлётной полосы, на которой разгружался Ан-26, как ни в чём ни бывало, паслось стадо антилоп. Тишина утренней саванны нарушалась только тарахтением армейской дизельной электростанции да возгласами людей, занимавшихся разгрузкой.

Внизу, прислонясь к стойке шасси, с чашкой дымящегося кофе в руке стоял Пилюгин. Увидев Волкового, он помахал ему рукой:

– С добрым утром, командир!

Волковой спустился по трапу вниз и подошёл ко второму пилоту.

– Вот сколько смотрю, не могу привыкнуть, – сказал Пилюгин. – Такая красота. А сколько людей проживают жизнь и ничего этого не видят. Офис, маршрутка, метро, собес, жэк, гастронорм. А на следующий день снова всё, то же самое, по кругу. Нам повезло, Саша. Будет о чём вспомнить.

– Ты о чём это? – спросил Волковой. – В старости, что ли вспомнить?

– Кто его знает, Саша, что нам уготовано. Доживём ли? Даже, если и не доживём, то всё равно, грех жаловаться. Всё-таки хорошая у нас с тобой профессия. Спасибо Богу.

– Хорошая? А что в этих ящиках, знаешь? Думаешь, Бог это одобряет?

– Я тебе скажу, командир, что в этих ящиках. Груз. И всё. А мы с тобой перевозчики. Мы честно выполняем свою работу. Кто-то изготавливает на заводах то, что лежит в этих ящиках, кто-то это изобрёл, кто-то это перевозит. Мы с тобой в той же цепочке, что и конструктор «Стрелы» за чертёжным кульманом в каком-нибудь режимном НИИ. А вот торговать я бы этим не стал. Цукерман и Куртис в другой цепочке. И выпивать с ними в одной компании я бы не стал.

– Ну, тут можешь не волноваться, – сказал Волковой. Вряд ли Куртис или Цукерман захотят когда-нибудь с тобой выпить. Даже, если ты очень сильно их будешь об этом просить.

– И с Казбеком не стал бы, – сказал Пилюгин. – Потому что он тоже из другой цепочки. И эти люди, что разгружают сейчас Антона, тоже из другой. Спросишь их, тебе ответят – я борец за независимость народа Анголы. И всё. Вот и хорошо, они борцы, а мы с тобой пилоты. Лётчики транспортной авиации. Это наша профессия. И всё. И точка. Мы с тобой востребованы в этой стране. А это для пилотов главное. Вообще, для мужчины главное.

– Наверное, ты прав, – сказал Волковой. – Хотя у тех, кто видит саванну только по телевизору, дожить до старости шансов больше, как думаешь? А где Бутлеров?

– Да встал, как только светать стало. Что-то возится там в кабине, тестирует блоки какие-то.

К полудню содержимое грузового отсека Ан-26 было перегружено в военные грузовики, которые выстроились за дощатым ангаром в некое подобие походной колонны.

В КУНГе мощного грузового «Рено» за раскладным металлическим столом сидел плотный чернокожий мужчина в полевой военной форме без знаков различия. В расстёгнутом вороте на бычьей шее мужчины блестела массивная золотая цепь. Напротив него за столом

сидел Казбек. В углу салона тихо шелестел кондиционер, а сама кабина освещалась огромной хрустальной люстрой, низко нависающей над столом.

– Как здоровье синьора Куртиса? – спросил чернокожий, положив ладони на стол. На его толстом, как сарделька, безымянном пальце сверкал перстень с голубоватым бриллиантом.

– Слава Богу, всё нормально, синьор Мбанга Нету, – ответил Казбек.

– А как поживает Цукерман? Тоже в порядке? – чернокожий говорил по-русски с небольшим акцентом.

– Спасибо, нормально, – ответил Казбек.

– Ну и хорошо. Передавай им привет. Но, к делу. Я принял груз. Всё в порядке. Теперь я должен передать тебе оплату. На этот раз это будет один алмаз. Ты в курсе?

– Да, да, синьор Мбанга Нету, – сказал Казбек. – Грегори сказал, что алмаз был оценен экспертом мистера Куртиса, который был у вас в Жамбе неделю назад.

Мбанга расстегнул молнию на нагрудном кармане и вытащил оттуда замшевый футляр. Отстегнув металлические застёжки, он открыл футляр и положил его на стол перед Казбеком. В футляре лежал прозрачный голубоватый алмаз величиной с крупную вишню.

Мбанга подвинул футляр Казбеку и сказал:

– Забирай. Только не потеряй, Симкин. Это ювелирный алмаз, вещь дорогая.

Казбек взял алмаз двумя пальцами, рассмотрел его на свет и положил в кожаный мешочек, который спрятал на груди.

Мбанга подошёл к походному холодильнику и достал из него бутылку, наполненную янтарной жидкостью. Взболтав содержимое бутылки и прищулив один глаз, он некоторое время рассматривал его на просвет. Потом, видимо, удовлетворённый результатами, он сказал:

– Ну, давай, Симкин выпьем за наше общее дело, держи кружку.

Мбанга подвинул Казбеку армейскую алюминиевую кружку.

– Как там говорил ваш Пушкин: «Где же кружка?» Гениально, правда? Великий пролетарский поэт был! Тоже борец за освобождение русского народа.

– Простите, синьор Мбангу Нету, – осторожно сказал Казбек, – А что это за напиток?

– А тебе не всё равно, Симкин? – удивился Мбангу, наливая Казбеку. – Шотландский скотч, настоящий на перьях птицы киви.

– Видите ли, синьор Мбангу Нету, – в Казбеке заговорила осторожность, унаследованная от Симкина-старшего. – Я бы предпочёл...

– Ты меня уважаешь? – вдруг спросил Мбанга Нету.

– Как вы могли сомневаться? – заверил Симкин, беря кружку.

– В Москве давно был? – спросил Мбанга, опрокинув в рот содержимое кружки и занюхав хлебной лепёшкой. – Как там университет имени Патриса Лумумбы? Стоит ещё? Или закрыли?

– Простите, синьор Мбанга Нету, какой университет?

– Дружбы народов. На улице Миклухо-Маклая. Знаешь Миклухо-Маклая? Там стоит университет.

– А, ну конечно, – сказал на всякий случай Казбек. – Стоит, а как же. А вы учились там?

– Ну, конечно, – ответил Мбангу. – Факультет гуманитарных и социальных наук. А потом ещё в ВПШ⁴ при ЦК КПСС. Поселили меня тогда ещё в общежитии с одним парнем из Каймановых островов, – Мбанга поёжился. – Крутой парень был, да. Немного со странностями, правда.

⁴ Высшая партийная школа

Глава 5

1

Самолёт АН-26 летел в ночном небе Анголы в направлении побережья. Саванна внизу постепенно сменилась редким лесом. Взлёт прошёл штатно, и настроение у всех было отличное. Бортмеханик Бутлеров рассказывал новый анекдот. Казбек, сидевший на месте штурмана, положил на колени свой автомат и ухмылялся, слушая Бутлерова.

– Смотри, какое шасси, говорит первый пилот, показывая на ноги новой стюардессы. Смотри, какие подвесные баки, говорит второй пилот, показывая на её сиськи. А ты чего молчишь, спрашивают бортмеханика. Боргач и отвечает, а что я, моё дело маленькое, расчихать и...

В это время снаружи самолёта раздался громкий хлопок, и из правого двигателя повалил густой дым.

– Командир, пожар в правом двигателе! – закричал Бутлеров.

– Аварийная остановка турбины! Перекрыть топливную магистраль! – скомандовал Волковой.

Пилюгин прильнул к правому остеклению кабины, пытаясь в темноте рассмотреть происходящее за бортом.

– На правой плоскости утечка жидкости! – крикнул он. – Похоже на горючее. Или масло. Если горючее, сейчас загоримся!

– Правый двигатель аварийно остановлен, магистраль перекрыта, – доложил Бутлеров.

Самолёт резко завалился на правое крыло. Винт остановленной правой турбины медленно вращался под напором набегавшего воздуха. Внезапно кабину озарила вспышка и вся правая плоскость оказалась объята пламенем.

– Всё-таки горючее, – задумчиво сказал Волковой. – Это мы уже не потушим.

– Командир, мы теряем высоту! – крикнул Бутлеров. – Снижение десять метров! Давление падает!

– Миша, полный газ, – как-то безразлично сказал Волковой и сам передвинул РУДы до упора.

– Обороты левой турбины падают! – доложил Бутлеров. – Снижение двадцать метров! Командир, мы падаем!!!

– Гриша, давай включай рацию, – сказал Волковой. – И передавай сигнал бедствия на аварийке. С нашими координатами. Может на башне в Луанде услышат.

– Аварийно садимся! – закричал Пилюгин. – У Антона отличный планер, я посажу!!!

– Ну, давай, сади, – Волковой пожал плечами. – Только при таком пожаре не садятся. Экипаж! Всем одеть парашюты, будем прыгать!

– Прыгать? – закричал Пилюгин. – Ночью? В джунглях? Это самоубийство!

– У нас разрушена топливная магистраль, Миша. Перекрыть её невозможно. Весь самолёт уже сейчас залит горючим. При ударе это всё воспламенится и мы все сторим заживо. Нужно прыгать. Это шанс.

– Я посажу самолёт!!! – закричал Пилюгин, вцепившись в штурвал.

– Ну, как знаешь, – пожал плечами Волковой. – Слушай мой приказ. Экипажу покинуть самолёт.

Волковой повернулся, вышел в грузовой отсек и стал надевать на себя парашют. В дверном проёме показалась фигура Казбека. Он передёрнул затвор автомата и направил дуло на Волкового.

– Не спеши, Волковой. Марш за штурвал! Будешь садиться. Иначе убью!

Волковой затянул крепления парашюта, шагнул к выходной двери и стал открывать фиксаторы. Казбек нажал на спуск и выпустил над его головой короткую очередь. В образовавшихся в фюзеляже отверстиях засвистел воздух.

– У тебя есть пять секунд, Волковой, – сказал Казбек. – Садись за штурвал! Я считаю. После этого я тебя разорву на части. Раз, два...

В это время Бутлеров обхватил Казбека сзади за шею и рванул на себя. Но силы были не равны. Казбек был крупнее и сильнее невысокого бортмеханика. Развернувшись в полоборота, он с силой ударил Бутлерова локтём в живот. Бортмеханик ослабил хват, и Казбек, повернувшись, выпустил ему в живот короткую очередь. Бутлеров осел на пол. В это время Волковой, схватив валяющуюся на полу бутылку, подскочил к Казбеку и ударил его сзади по голове. Бутылка разбилась о череп, но Казбек не упал. Он выпустил из рук автомат, медленно повернулся к Волковому и выпучил на него безумные глаза. Меряться силой с оглушённым громилой невысокому Волковому было совсем не резон. Поэтому нужно действовать наверняка. И Волковой со всей силы ткнул Казбека осколком бутылки в лицо. Хлынувшая кровь залила лицо, Казбек страшно захрипел и, выставив вперёд руки, потянулся к горлу Волкового. Однако, сделав несколько шагов, он упал. Волковой вернулся к выходной двери, открыл фиксаторы, сжал в руке вытяжное кольцо парашюта и, набрав в лёгкие воздуха, прыгнул в тёмный проём.

После того, как с резким хлопком раскрылся купол парашюта, прошло всего несколько секунд, и Волковой увидел быстро приближающиеся чёрные силуэты крон деревьев. Видимо самолёт уже сильно потерял высоту. Волковой сгруппировался и приготовился к удару.

Удар о ветки оказался такой силы, что Волковой потерял сознание. Очнувшись, он пошевелил сначала руками, а потом ногами. От резкой боли в паху у него опять потемнело в глазах. Но, кажется, руки и ноги целы, переломов нет. В темноте Волковой не мог сообразить, где он находится. Скорее всего он зацепился за крону какого-нибудь высокого дерева. Внезапно ветки под Волковым прогнулись, и он полетел вниз. Инстинктивно сгруппировавшись, он приготовился к новому страшному удару. Но падение вдруг прекратилось, Волкового резко потрянуло и он повис в воздухе, раскачиваясь на стропах. Кровь с израненного ветками лица заливала глаза. И вдруг наступила тишина.

И тут же, заглушая боль в паху, в его мозгу как огненный фугас взорвалась мысль – он жив!!! Смерть была совсем рядом, он уже чувствовал затылком её зловонное дыхание, но он спасся! Горящий самолёт помчался дальше, а он вырвался из его смертельного чрева! Он дышит, он слышит крики ночных птиц, его сердце гонит кровь по артериям! Выходит эта страница в его судьбе была не последней!

2

С первыми лучами солнца Волковой обнаружил, что он висит на стропах, зацепившихся за ветки дерева, примерно на уровне второго этажа. Поблизости не было никаких ветвей, ствол тоже был далеко. Значит, придётся резать стропы и прыгать. Брюки в паху намокли от крови, с лица тоже сочилась кровь, которая залила всю рубашку. Но кости, кажется, целы. А это главное. Итак, нужно выбирать. Слава Богу, в комплект десантного парашюта входит нож-стропорез. Оказывается, очень полезная штука. Без него суждено было бы болтаться ему на этом дереве, пока его потихоньку не склевали бы тропические птицы. Волковой стал резать стропы.

После удара о землю Волковой перевернулся на спину и лежал так минут пять. Острая боль, начинаясь в паху, пронзала его насквозь до затылка. Видно напоролся-таки при падении на какой-то сук. Сквозь ветки дерева, на которое он приземлился ночью, просвечивало яркое утреннее солнце. На одной из веток Волковой увидел чудно раскрашенную тропическую птицу

с неестественно большим красным клювом. Птица внимательно смотрела на него с высоты и кивала своим цветным шнобелем.

«Это хороший знак», – подумал Волковой.

– Значит, брат, ещё поживём, – сказал он странной птице и не узнал своего голоса.

...Волковой шёл, медленно переставляя ноги и стараясь не тревожить рану. Нужно искать упавший самолёт. Там, возможно, сохранились медикаменты, а главное, вода. Без воды всего через пару суток он отдаст концы. Найти самолёт, а затем ждать помощи. Возможно, в Луанде уже знают о катастрофе.

Ориентируясь по солнцу, Волковой продвигался на запад. Хотя по солнцу в этих широтах особо не сориентируешься. В полдень оно повиснет почти над головой, и почти незаметное отклонение от зенита в полдень указывает на север. В умеренных широтах можно примерно ориентироваться по мху, который всегда растёт с северной стороны ствола. Но в этом райском месте он, кажется, растёт, где хочет. Поэтому Волковой решил сделать привал и подождать, пока солнце склонится к западу.

Найти самолёт нужно до наступления темноты. Иначе потом на охоту выйдут ночные хищники – гиены и леопарды. А на самолёте есть спички, можно будет разжечь костёр, который отпугнёт хищников. Отдохнув несколько часов, Волковой пошёл дальше. На часах было около четырёх пополудни, солнце уже немного склонилось к западу. Самолёт при падении должен оставить след. Вот этот след Волковой и должен заметить до наступления темноты. Но следа пока нет. Неужели его судьба снова играет с ним в кошки-мышки? Оставила в живых, чтобы посмотреть, как он заблудится?

А, может, напрасно он прыгнул? Может Пилюгин посадил самолёт и все живы? Кроме Бутлерова, которого убил Казбек. Какая была высота, когда он прыгнул? Совсем небольшая, метров семьсот. Пилюгин докладывал о снижении самолёта двадцать метров в секунду. Это практически падение самолёта. Значит он упал через две минуты. Скорость, какая была скорость? Наверное, около трёхсот. Итого, самолёт пролетел максимум пять километров. Он идёт уже пять часов, не считая отдыха в полдень. Пусть по два километра в час. Значит, он должен уже увидеть самолёт. А его нет. Это может означать одно, он сбился с курса. И всё больше хочется пить. Последние два часа жажда его стала мучить больше, чем боль.

В этот момент Волковой увидел дерево. Достаточно высокое и с ветками, до которых можно дотянуться с земли. Нужно залезть повыше и осмотреться. Хватит ли у него сил, чтобы подтянуться за нижние ветки? Кажется, это его последний шанс.

Если бы не боль, то Волковой залез бы. Но сейчас раз за разом, в глазах у него темнело, руки становились ватными и он падал, даже не взобравшись на самые нижние ветки. В очередной раз, оказавшись на земле, Волковой обессилено перевернулся на спину. Всё. Через час стемнеет. Кажется, это конец. А то было просто оттягивание времени. Он будет здесь лежать, пока его не уташат ночные гиены. Или не порвут крючковатыми клювами птицы-падальщики. Всё...

Над кроной дерева, медленно взмахивая крыльями и вытянув голую шею, пролетел огромный гриф. Да, именно такой падальщик будет рвать на куски его труп. Вслед за первым грифом в воздухе показался второй, затем третий, четвёртый. Они летят за падалью. За тремя трупами, которые лежат возле упавшего самолёта! Господи, неужели всё так просто?

Волковой со стоном встал и зашагал в направлении полёта грифов.

Глава 6

1

Департамент чрезвычайных ситуаций в Луанде располагался в здании бывшего португальского особняка. Прямо с этого места отлично просматривается старинная крепость Сан-Мигель, основанная Диегу Кау ровно за десять лет до открытия Колумбом Америки. Перед департаментом стоял памятник самому Диегу Калу, вернее пустой пьедестал, на котором когда-то находилась бронзовая фигура португальского первооткрывателя. В глубине двора под навесом стоял ржавый БТР без стёкол. Около входа с сонным видом прохаживался охранник в устрашающего вида зеркальных очках и с автоматом Калашникова за спиной.

Помощник начальника департамента чрезвычайных ситуаций Абиг Таонга подал своему шефу факс и сказал:

– Синьор Бапото, у них там упал самолёт. Пилот успел связаться с диспетчером «Кватро Феверейро»⁵ и передать координаты. Это самолёт компании «Куртис аэрофлай».

– Кар-рамба!⁶ – внезапно выкрикнул серый попугай, сидящий на жёрдочке в большой клетке. После этого он перевернулся вниз головой и уставился на Таонга внимательным круглым глазом.

Бапото поднял толстый указательный палец вверх, и помощник Таонга в нерешительности замолчал.

– Это очень рассудительная и мудрая птица, Абиг, – сказал Бапото. – Мне её продал один русский генерал, когда закончилась война. Кажется, он говорит на трёх языках.

– Кто, синьор Бапото, генерал? – спросил помощник Таонга.

– Вы видели таких генералов, дорогой Абиг? – удивился начальник Бапото. – Конечно попугай. Генерал утверждал, что Жорику двести лет и он помнит какого-то Гоголя. Вроде бы это их русский поэт. Кажется, Жорик чем-то недоволен. Итак, каковы будут ваши соображения, Абиг?

– Ну, по инструкции мы должны выслать в район падения поисковую группу и начать широкомасштабные...

– Паль кар-р-рахо!⁷ – опять закричал попугай. – Паль кар-р-рахо! Жор-рик умный!

– Видите, Абиг? – Бапото нахмурил брови и указал пальцем на попугая. – Иногда мне кажется, что в эту птицу вселился дух какого-то моего предка по мужской линии. У нас в роду были очень рассудительные и мудрые мужчины.

– Так как же самолёт? – спросил помощник Таонга.

– Какой самолёт? – Бапото изобразил на своей тёмно-коричневой физиономии предельную сосредоточенность.

– Ну, что упал у побережья? Мы ж должны искать? Согласно инструкции?

Бапото поморщился. Старательный парень, этот Таонго. Кого попало сюда не возьмут. Вот, например, Таонго – он является племянником жены его двоюродного дяди из Лубанги.

– Правильно! – кивнул Бапото. – Искать и найти! Это наша обязанность, помощник Таонга! А потом арестовать. Как нарушителей воздушной границы суверенной республики Ангола! – Бапото указал пальцем на чёрно-красный флаг с изображением половинки шестерёнки и мотыги, стоявший в углу кабинета. – Только я хорошо знаю этого пройдоху Куртиса.

⁵ Международный аэропорт в Луанде

⁶ Чёрт побори! (испанск.)

⁷ Пошёл на ... (кубинск.)

Он уже послал туда своих людей. Поэтому они перестреляют вас, как бабуинов, и вы не успеете даже зачитать им преамбулы из вашей инструкции. Которую, кстати, составлял я, – Бапото гордо приосанился. – И будет тебе, Таонга, грамота от правительства за сообразительность и благодарность от двух-трёх грифов за вкусный ужин. Даже Жорик это понимает. Давай сюда факс. Координаты там есть? – спросил Бапото.

– Да, синьор Бапото, вот.

– Всё, Таонга, иди. Тебе есть, чем заниматься, кроме этого самолёта?

– Да, синьор Бапото. На авениде Ленина с балкона пятого этажа упала живая свинья. Прямо на тротуар. Очень напугала проходивших там женщин. На место происшествия уже выехали наши специалисты.

– Вот видишь! Что ещё?

– Из городского зоопарка сбежал пеликан, – сказал Таонга. – Как-то взлетел из вольера и сбежал. Его видели разгуливающим по площади Первого Мая. Ещё на авениде короля Жоакина Второго⁸ в канализационный люк провалился джип, на котором ехал французский пресс-атташе.

– Что, целый джип?

– Да, синьор Бапото. Как выяснили наши специалисты из министерства это был не люк, а провал. Господина пресс-атташе вытащили с помощью лебёдки, но пресс-конференцию пришлось отменить. Он был слишком взволнован.

– Вот видишь, Таонга, сколько у тебя дел! – укоризненно сказал Бапото. – А ты пришёл ко мне с каким-то самолётом!

Когда за помощником Таонга закрылась дверь, Бапото снял трубку и стал набирать телефонный номер.

– Алло, Бомани? – спросил Бапото. – Это Бапото. Как здоровье, Бомани? А как здоровье твоей жены? Ты что-то слышал про упавший самолёт Куртиса? На побережье, где-то на юге? К тебе ещё не обращались за вертолётom? Нет? Я думаю, в ближайшие часы объявятся ребята Куртиса. Пиши координаты. Ага. Он там лежит. За координаты возьми с людей Куртиса два ящика пива, Бомани. Ну, да, один забросишь мне.

2

Покорёженный фюзеляж АН-26 лежал среди обгоревших стволов дикой акации. Левое крыло было надломлено, а правого не было вообще. Хвост со смятым оперением лежал отдельно в стороне, но кабина каким-то чудом не пострадала. В наступивших сумерках было уже трудно что либо рассмотреть, поэтому Волковой решил первым делом найти фонарик. Он знал, что фонарик лежит у запасливого Бутлерова в инструментальном ящике. Протиснувшись через щель в фюзеляже в кабину, Волковой сделал шаг споткнулся обо что-то мягкое. Переступив через препятствие, он нашёл ящик и стал на ощупь перебирать инструменты. Вот и фонарик. Волковой нажал на кнопку и сноп белого света осветил часть кабины. За правым штурвалом сидел человек. Его руки лежали на штурвале, а голова безвольно склонилась на залитую чем-то чёрным грудь. Волковой поднял голову за подбородок и повернул к себе. На него глянули безжизненные глаза его второго пилота Миши Пилюгина. «Всё-таки хорошая у нас с тобой профессия. Спасибо Богу». Сутки назад Мишка стоял с чашкой дымящегося кофе среди утренней саванны и произносил эти слова, щурясь на африканский рассвет. Волковой повернулся и осветил пол позади себя. То, обо что он споткнулся, было телом Гриши Бутлерова. Он лежал в луже чёрной крови в углу кабины, по-детски поджав ноги к животу.

⁸ Реальные названия улиц в столице Анголы Луанде.

У второго пилота Пилюгина и бортмеханика Бутлерова проблемы, кажется, кончились. А у него они, похоже, только начинаются. Теперь, когда у него есть фонарик, нужно найти воду. Аварийный запас хранился в больших армейских флягах. Если только они уцелели при ударе самолёта о землю. Вот и они, стоят, как ни в чём ни бывало, пристёгнутые ремешками к переборке. Волковой отвинтил крышку и припал воспалёнными губами к горлышку фляги.

Теперь ему нужно дожить до утра. А для этого необходимо разжечь костёр. У Бутлерова где-то было несколько коробок охотничьих спичек. Подсвечивая фонариком, Волковой нашёл какой-то ящик и открыл его. Вот сумка с медикаментами. Квадратная бутылка «Джонни Уокера» с косою чёрной наклейкой. Её они должны были распить с Пилюгиным и Бутлеровым после возвращения в Лумо. Но она им уже больше не нужна. Поэтому Волковой заберёт её себе. Он разопьёт её сам, когда вернётся в Лумо. Вот и коробка со спичками.

Волковой вылез из кабины и стал собирать хворост. Когда костёр разгорелся, вокруг уже была кромешная тьма. Громко звенели цикады, доносились стоны древесных лягушек, где-то невдалеке слышалось мяуканье леопарда. Волковой подбросил в огонь побольше веток, лёг на ещё тёплую траву и провалился в глубокий сон.

Проснувшись утром от пронзительного гомона каких-то разноцветных птичек, Волковой попытался встать на ноги, но резкая боль опять пронзила всё тело. Нужно срочно обработать рану. Во втором ящике он видел сумку с медикаментами. Там должно быть всё необходимое. Иначе в таком климате уже сегодня наступит сепсис. Волковой даже вспомнил, что он видел в сумке одноразовые походные шприцы с какими-то надписями, сделанными Бутлеровым. Спасибо, Миша. А что Волковой может сделать для него? И для Пилюгина, склонившегося головой над штурвалом? Разве что похоронить их здесь, в красноватой земле Анголы. Для этого в хозяйстве бортмеханика есть удобная сапёрная лопатка. Много разных полезных вещей осталось после Миши Бутлерова. Превозмогая боль, Волковой встал и направился к кабине.

В это время сзади Волкового раздался лязг передёргиваемого затвора автомата Калашникова и хриплый голос произнёс:

– Я ждал, пока ты проснёшься.

3

– Мистер Куртис, у нас неприятности! – кричал в телефонную трубку толстый мужчина, вытирая платком пот с мощного бритого затылка.

– Опять полисмен забрал у тебя бутерброды, Гриша? – спросил голос в трубке. – А ты вовремя расплачивайся со своими кисками.

Если правда то, что каждый человек имеет сходство с каким либо животным, то мистер Грегори Цукерман более всего походил на домашнего кабана в расцвете мужской силы. Держа телефонную трубку одной рукой, и отчаянно жестикулируя другой, он кричал, брызгая слюной в трубку:

– Мистер Куртис, мы кажется потеряли самолёт! Позавчерашний рейс на Куэбе! Они взлетели вчера ночью и уже сутки не выходят на связь!

– Что ты несёшь, Цукерман? – закричал Куртис. —Какой самолёт? Этой старой керосинке давно место на свалке. Тем более, он застрахован. Где алмаз? Где алмаз, Цукерман?!

– Мбанга сказал по спутниковому телефону, что алмаз у Казбека. У Симкина. Он отдал ему алмаз. И самолёт взлетел вчера ночью с полосы на Куэбе. У него есть видеозапись передачи алмаза и взлёта самолёта. Через три часа они должны были выйти на связь над нейтральными водами Атлантики. И всё! Их нету! Они не долетели до побережья, мистер Куртис! Они упали!

В трубке повисла тишина.

– Алло! Мистер Куртис! Вы меня слышите? Алло?

– Не ори, Цукерман, – сказал Куртис. – Побереги силы. Они тебе скоро пригодятся. Я высылаю в Луанду поисковую группу. Это мои люди. Ты тоже вылетаешь в Луанду и поступаешь в полное подчинение старшего группы. Ты его знаешь. Это Тимур Гутиев, мой начальник охраны.

– Гутиев? – переспросил Цукерман. – Ну, видел пару раз. А он это... что, чеченец?

– Всё тебе нужно знать, – сказал Куртис. – Осетин он.

– А что мне надо будет делать, мистер Куртис? Может, я могу быть более полезен здесь, чем...

– Слушай сюда, Цукерман, и постарайся не злить меня, – перебил его Куртис. – Мбанга знает, что самолёт упал?

– Не знаю, – Цукерман пожал полными плечами.

– Гриша, ты сосредоточься и говори со мной нормально, потому что я сейчас могу разозлиться. Я тебя спрашиваю, ему кто-то сообщал о происшествии?

– Нет, не сообщал.

– Хорошо. И не сообщай. А то они первыми найдут самолёт, заберут алмаз и скажут, что так и было, – сказал Куртис. – Теперь слушай, что тебе делать. Ничего, понял? Когда найдут алмаз, ты должен видеть, как он попадёт к Тимуру. Он в курсе. Всё. Ближайшим рейсом вылетай в Луанду и присоединяйся к поисковой группе. Тимур зафрахтует вертолёт, якобы для сафари. Вы будете летать над лесом от побережья вглубь материка, пока не найдёте упавший самолёт. Тимур заберёт алмаз и организует эвакуацию людей. Ты мне нужен, как свидетель того, что алмаз перейдёт к нему. Понял?

– Понял, мистер Куртис, – ответил Цукерман.

4

– Я ждал, пока ты проснёшься.

Волковой обернулся и увидел Казбека. Он лежал, прислонясь спиной к дереву. Одна нога у него была неестественно вывернута, а в руках он держал автомат, дуло которого смотрело Волковому в живот. Лицо Казбека было покрыто коркой запёкшийся крови, по которой ползали зелёные мухи. Сквозь кровь проступали капли гноя. С трудом шевеля губами, он прошепелявил сквозь выбитые передние зубы:

– Я тебя убью. Если ты уйдёшь, я тебя убью. Нас ищут. Пилюгин связался с башней и передал координаты. Сейчас за нами придут. Дай воды. Или я тебя убью.

Волковой медленно пошёл по направлению к кабине. Стоит Казбеку нажать на спуск и автоматная очередь разорвёт его в куски. В АК-47 пули со смещённым центром тяжести. Волковой как-то видел, как короткой очередью с расстояния двадцать метров из такого автомата была мгновенно разнесена в клочья деревянная доска метр на метр. Пробравшись в кабину, Волковой отстегнул от переборки флягу. Выходит, нужно подчиниться. Кабина находится на линии огня и не спасёт его. Хотя, Казбек всё равно не оставит его в живых. Зачем ему свидетели? Поэтому надо что-то придумать. До сих пор ему это удавалось. А пока он делает полагающуюся в таких случаях инъекцию. Волковой нашёл сумку с медикаментами и стал перебирать одноразовые шприцы. «Анальгетик №1», – прочитал он. «Антибиотик №5» было написано на следующем шприце.

– Что ты застрял? – прохрипел снаружи Казбек. – Выходи, собака! Воды! Дай воды! Убью!

Казбек выпустил короткую очередь. Срывая остатки покорёженной кабины, пули прошивтели над головой Волкового.

– Не стреляй! Я ишу воду! Сейчас будет вода, подожди!

Волковой отвинтил крышку фляги и выдавил туда содержимое шприца «Анальгетик №1». После этого он проделал то же самое со всеми шприцами, подписанными Бултеровым

«Анальгетик». Взболтав смесь, он закрутил крышку и, подняв флягу над головой, вышел из кабины.

– Давай! – прохрипел Казбек, протягивая к фляге трясущуюся руку. – Стой! Стоять, Волковой! Ближе не подходи. Медленно бросай.

Волковой бросил флягу Казбеку. Не сводя дула автомата с Волкового, тот дотянулся рукой до фляги и стал отвинчивать крышку.

– Теперь отойди. Попытаешься уйти – убью, – сказал Казбек и стал жадно глотать воду. – Ты что мне подсунул? – вдруг спросил он. – Почему горькая?

– Это вода из авиационного аварийного комплекта. Чтобы не протухла от жары, добавляются сенсibiliзаторы и соли для лучшего утоления жажды, – ответил Волковой.

– Мне всё равно, Волковой, – сказал Казбек, с трудом переводя дыхание. – Мы не боимся смерти, так, как боитесь её вы, русские. Но, прежде чем умру я, умрёшь ты. Хочешь дожить до того, как сюда придут спасатели, не делай резких движений. И чтобы я тебя всё время видел. Патронов у меня хватит, чтобы разнести это всё вдребезги, – Казбек показал скреплённые изолентой два рожка от автомата. Волковой видел, что так делали перед боем солдаты в Афгане.

Казбек выпил всю флягу. Говорят, что так много сразу пить нельзя. Но ему плевать. Мало ли, чего говорят эти русские. Такого удовольствия он не испытывал ещё никогда в жизни. Даже боль в переломанной в двух местах ноге, кажется, утихла. Из-за этой проклятой боли он не спал с момента падения самолёта. Пилюгин погиб мгновенно. Бутлеров повезло больше всех, он вообще не почувствовал удара. А ему перебило ногу и сломало пару рёбер. Вот, что значит вода. Нога совсем перестала болеть. Только что-то стало клонить ко сну. Веки отяжелели, как будто налились свинцом. И как-то стало спокойно. Хорошо.

Может он уже умер? Кажется да, потому что над ним в небе летает ангел. Даже два ангела. Они широко раскинули крылья и кружатся над ним. Может они хотят забрать его с собой на небо? Мама Нонна говорила, что так ангелы поступают с праведниками. Только почему у этих ангелов чёрные крылья?

Волковой осторожно сделал несколько шагов по направлению к зарослям акации. Кто знает, как подействует эта доза анальгетиков на Казбека? Может и ни как. Тогда он начнёт стрелять. Сколько раз уже везло ему за последние двое суток? Могло бы размозжить голову о ствол при приземлении вчера ночью. Могли бы сожрать гиены, если бы он не завис до утра на стропах. Ещё раньше, в падающем самолёте его мог бы прикончить тот же самый Казбек. Но прикончил Гришу.

А ему пока везёт. Так вот сданы карты. Хотя распанахало его, кажется, серьёзно. С того мгновения, как Бутлеров закричал «Командир, пожар в правом двигателе!» он идёт по самому краю. И каждый шаг теперь может оказаться последним. Обострённой интуицией Волковой чувствовал, что его смерть ходит где-то совсем близко. Он никогда особо не думал о ней. Не будет думать и сейчас. Но и без боя он не сдастся.

Кажется, получилось! Казбек заснул или даже потерял сознание. Пара грифов, раскинув чёрные крылья, в ожидании трапезы уже кружилась над местом, где лежал Казбек. Волковой нырнул в заросли и затаился. Здесь Казбек со своим автоматом его не достанет. Выждав ещё несколько минут, Волковой подкрался к нему сзади и вырвал у него из рук автомат. Казбек, не открывая глаз, что-то промышчал. Волковой отомкнул спаренные рожки и, вынув из них патроны, выбросил их в заросли. Потом, нагнувшись к Казбеку, он снял с его груди кожаный мешочек. Развязав сложный узел, на который была затянута тесёмка, Волковой извлёк из него голубоватый алмаз и положил его на ладонь.

Теперь он должен принять решение. Сложнее всего, когда вариантов больше одного. А тут, кажется, именно такой случай.

Вариант первый. Спокойно дожить до старости, или хотя бы до завтрашнего утра. В этом случае нужно ложиться спать, а когда придут люди Куртиса, отдать им алмаз. Может быть, Кур-

тис и оставит его пилотом. Хотя вряд ли. На Волковом уже лежит несмываемая печать пилота-неудачника, потерявшего свой самолёт и экипаж. Да и что скажет Казбек, когда очухается? Можно, конечно, вставить пару патронов обратно и пристрелить Казбека. Но, одно дело, убить человека в поединке, а другое – выстрелить в спящего человека. Кажется, это не его стиль.

Вариант второй. Оставить алмаз у Казбека, а самому пуститься в бега. Впрочем, в этом варианте его особо искать никто и не будет. Остаток дней придётся провести в тихом районном центре средней полосы России в очереди за каким-нибудь пособием. И тихо завидовать замполиту Шуйскому, которому удалось пристроиться швейцаром в столичный отель. Можно даже будет отыскать Марину. Она снова будет плакать и спрашивать его сквозь слёзы, почему она такая несчастная. А Волковой опять не будет знать ответа. Это мы уже проходили. Как говорят, ни кола, ни двора. Потому что, если оставить алмаз здесь, то своего двора ему, пожалуй, уже не купить никогда. А учитывая проклятый сук, о который он треснулся промежностью, первая часть поговорки тоже может стать реальностью.

Последний вариант – взять алмаз себе. Потом похоронить бортмеханика и второго пилота, обработать рану, запастись необходимым, и рвануть на побережье. До него километров тридцать. Судя по карте, редколесье ближе к побережью переходит в саванну. В этом месте вдоль берега океана тянется шоссе Намибе – Бенгела. С запасом воды, аварийным сухим пайком, компасом, фонариком и спичками можно вполне дойти. А не дойдёт, так просто присоединится вдогонку к своему экипажу, вот и всё. Ко второму пилоту Пилюгину и бортмеханику Бутлерову, которым уже не страшны никакие погони и не нужен никакой алмаз.

Только вот как раз в этом варианте имеется одна неприятная особенность. Вообще-то, алмаз не его. Но он же не украл его? Он просто шёл по саванне и нашёл алмаз. У Казбека в замшевом мешочке. А Казбек хотел прикончить его. Застрелить из автомата. А до этого чуть не прикончил в горящем самолёте. И погубил его двух товарищей. Вот он и забрал у Казбека алмаз. И поэтому теперь его будут искать. Возможно, всю оставшуюся жизнь. Искать, чтобы, скорее всего, убить. А он должен будет убежать. Хотя с деньгами, вырученными за алмаз, это вполне реально. Ещё хватит на уютный домик на побережье в какой-нибудь банановой республике и даже на собственный одномоторный самолётик.

Только вот, если он сейчас возьмёт алмаз себе, то сразу закрутится рулетка, которую он уже вряд ли сможет когда-нибудь остановить. На такую авантюру может решиться только тот, у кого крепко перемкнуло в голове. Вот как когда-то перемкнуло в голове у лейтенанта Волкового после того, как при заходе на посадку в Кандагаре был обстрелян их АН-12. Тогда экипажу ещё повезло. Все отделались контузиями разной степени тяжести. А перед этим полтора года назад при точно таких обстоятельствах, только в Баграме, погибли шесть человек экипажа АН-12 из семи.

Волковой посмотрел на голубой камень, лежащий на его грязной ладони с потрескавшейся кожей. Может это и есть его выигрышный джокер? Самая сильная карта в колоде. Вообще-то ему одному алмаз не нужен. Но где-то там осталась Марина. «Ну почему я такая несчастная?! Отвечай, гад?!» Как будто он знает, почему. Потому что судьба такая. Хромая... Вот взять и отодвинуть рукой маринину судьбу в сторонку и сказать, мол, постой там тихо, я теперь сам попробую... Прекрасный принц выискался! Сам еле на ногах держится, не сегодня-завтра концы отдаст.

Но ведь можно и остаться в живых, правда? И чуть-чуть подправить того, кто так небрежно сдаёт карты? Да, много решает удача при сдаче. Может быть почти всё... А зависит ли что-то от умения сыграть этими картами? А от умения сжудльничать? Его, пилота Волкового, умения? Можно ли вообще выиграть, если удача хромая? Просто, чтобы в этом мире стало чуточку больше справедливости? Видный мужчина Куртис станет немножко ниже, а он станет чуть-чуть выше. И джокер в этом ему поможет. Разве это будет не справедливо? Только вот почему на карте джокера изображён смеющийся шут?..

Волковой завернул алмаз в носовой платок, положил в нагрудный карман и застегнул пуговицу.

Вот и всё... Как, оказывается, всё просто. С этой минуты солнце уже светит по-другому. Только что он стал состоятельным господином. Правда теперь уже никто не скажет точно, доживёт ли он до завтрашнего утра...

И, если на небе есть ангелы, поставит ли сейчас на него в небесной букмекерской конторе хоть один из них?

Глава 7

Старший поисковой группы Тимур Гутиев сидел в транспортной кабине вертолѐта МИ-8, где кроме него находилось ещё пять человек. Шеф настоял, чтобы в Луанде к ним присоединился этот кабан Цукерман. Ясно зачем, из-за алмаза, который сейчас находится у Казбека. Алмаз должен забрать Тимур. Вообще то, он ему не нужен, от него только проблемы, поэтому хитрый Куртис мог бы и не посылать Цукермана. Но таков порядок.

Когда летишь в вертолѐте, то тебя покачивает из стороны в сторону, как будто несут в чемодане. Половина пространства отсека заполнена бочками с горючим. Это нужно, чтобы хватило на обратный путь и на поиски. Хотя искать особо не придётся. Этот черномазый в Луанде дал координаты самолѐта. Чудной народ. Потребовал два ящика пива и дал координаты, где упал самолѐт. Дать бы ему в его чёрную рожу. Но нельзя. Так что к часам десяти будем на месте, а там разберѐмся. Пять вооружѐнных мужчин могут во многом разобраться. Правда, Цукерман не в счёт. Только бы эти черномазые пройдохи товарища Мбанги не добрались до самолѐта раньше. Судя по координатам, самолѐт не дотянул до побережья километров тридцать. Придѐтся зависать над местом падения, а отряду спускаться по верѐвочной лестнице. Конечно, приятного мало, кому понравится болтаться на такой высоте? Но это лучше, чем топтать пять километров до места, где мог бы сесть вертолѐт.

Цукерман, когда услышал про лестницу, устроил истерику, сказал, что он просто убьѐтся с такой высоты, и тогда инструкции мистера Куртиса не будут выполнены. Пожалуй, этот жирный бабуин в данном случае говорит правду. Спускаться по вертолѐтной лестнице это тебе не с чёрной куколкой в лошадку играть в гостиничном номере. Поэтому Цукермана решили спускать на страховочном тросе с помощью грузовой лебѐдки.

– Впереди по курсу вижу упавший самолѐт! – вдруг крикнул пилот вертолѐта. – Внимание, мы над объектом! К высадке готов!

Тимур отдраил люк и выбросил вниз лестницу. Кабина наполнилась грохотом двигателей вертолѐта.

– Опускайся ниже, – крикнул Тимур пилоту.

Вертолѐт завис над поляной, образовавшейся на месте падения самолѐта. После того, как отряд высадился на поляну, на грузовом тросе спустили мистера Цукермана. Когда его отстегнули от троса, Цукерман прошѐл на неверных ногах несколько шагов, потом сел на прямо на траву и уставился перед собой остекленевшим взглядом.

Взяв автомат наизготовку, Тимур осторожно направился к лежащей на земле кабине самолѐта. В кабине было пусто. Лишь на приборной доске правого штурвала растеклось большое бурое пятно. В груди железа, которая когда то была грузовым отсеком, тоже было пусто.

Зато в десяти метрах от самолѐта лежал Казбек. Вернее то, что от него осталось после ночной охоты, которую начал леопард, а продолжили гиены. На растерзанной шее Казбека болтался залитый кровью кожаный мешочек.

Вот и всё, Казбек. Наконец-то ты нашѐл последнее пристанище в этом забытом Аллахом месте.

– Эй, Цукерман, подойди сюда! – крикнул Тимур.

Грегори тяжело поднялся с земли и, держась одной рукой за живот, подошѐл к месту, где лежал мѐртвый Казбек. От вида окровавленного тела, по которому ползали жирные мухи, его опять замутило. Тимур нагнулся и, взяв мешочек в руки, стал развязывать тесѐмку. Развязав узел, Тимур поднёс пустой мешочек к бледному лицу Цукермана и сказал:

– Пусто. Видишь?

– Пусто, ага, – пробормотал Цукерман, стараясь не смотреть на тело Казбека.

– Они убили его, – сказал Тимур. – Взяли алмаз и смылись.

– Так и доложим мистеру Куртису, – сказал Цукерман. – Можно лететь обратно.

– Успеешь, – сказал Тимур. – Мы должны их перехватить, пока они не ушли далеко.

Тимур вынул из нагрудного кармана камуфляжной куртки спутниковый телефон и стал набирать номер Куртиса.

– Мистер Куртис, это Тимур. Мы нашли самолёт. Из людей есть только Симкин. Он мёртвый.

– Что ты мелешь, Тимур? – закричал Куртис. – Причём здесь Симкин? Где алмаз?!

– Алмаза у Симкина нет. Пилоты куда-то смылись. Они забрали алмаз и смылись, мистер Куртис. Какие будут указания?

После некоторой задержки Куртис спросил:

– Вы хорошо осмотрели тело Симкина? Он мог спрятать алмаз где угодно.

– Мистер Куртис, Казбек перевозил алмазы всегда в кожаном мешочке, который носил на шее под рубахой, – сказал Тимур. – Мешочек развязан и пустой. Мы обыскали все карманы, каждый миллиметр одежды. Рядом с его трупом валяется автомат. Разряженный. Рожки без патронов валяются рядом.

– А следы пулевых ранений на теле Симкина есть? – спросил Куртис.

– Вроде нет. Но там ничего не поймёшь. Ночью его тело растерзали хищники.

– Вот что, Тимур, – после минутного раздумья сказал Куртис. – Алмаз нужно найти. И пилотов нужно найти. Можно живыми, можно мёртвыми, как тебе будет удобнее. Но найти нужно. И наказать. Иначе другие пилоты тоже станут брать то, что им не принадлежит. Поэтому мы будем искать этот алмаз до последнего. Найдёшь, Тимур, станешь богатым человеком.

– Понял, хозяин. Нельзя терять времени.

– Нельзя, Тимур. Садитесь в вертолёт и берите курс на побережье. Через километров двадцать будет шоссе. Оно идёт среди саванны, поэтому хорошо видно сверху. Это трасса Намибе – Бенгела. Дорога пустынная, раз в час по ней проезжает какой-нибудь грузовик. У них нет другого выхода, как попытаться на грузовике добраться до Бенгелы. Я свяжусь с начальником полиции Бенгеле, Его зовут Джитуку. За тысячу долларов его орлы побросают всё и будут искать пилотов день и ночь. Их фотографии я отошлю в полицию по электронной почте. Тебе, Тимур, нужно добраться до города и поставить там на въезде свой блок-пост. И проверять все машины. Спрашивай всех водителей, показывай им те фото, что есть у вас, если нужно, давай им деньги. Пошли людей в аэропорт Бенгеле. Паспорта у пилотов пока свои, поэтому проверь регистрацию на рейсы. Скорее всего, они будут прорываться в Луанду. Возможно, они ранены. Нужно проверить все больницы в Бенгеле. Их не так много. Кстати, дойти до шоссе могут не все. Возможно, дойдут двое или даже один. Пошли ребят в порт. Пусть они день и ночь смотрят, не появится ли там кто из наших беглецов. В Бенгале есть ещё железная дорога. Она идёт через весь континент и соединяет Атлантику с Индийским океаном. Её построили португальцы, но, кажется, сейчас она не работает. На всякий случай разберись с этим.

– А что мне делать с Цукерманом? – спросил Тимур.

– Пусть он организует взаимодействие твоих ребят с начальником полиции Джитуку, – сказал Куртис. – Если наши крысы сунутся в эту мышеловку, то уже из неё не выберутся. Но, если кто-то успел проскочить в Луанду, то там затеряться проще. Поэтому вы должны их перехватить. Слышишь, Тимур, нужно успеть!

Глава 8

Волковой проснулся на рассвете. Рядом с ним догорал костёр. Чтобы отпугнуть ночных хищников, ему приходилось всю ночь подбрасывать в него сухие ветки акации. По чистому небу бежали лёгкие утренние облака. Это его третий рассвет с тех пор, как упал самолёт и погиб его экипаж. Вчера вечером перед самым закатом Волковой видел, как в небе появился вертолёт. Он полетел в сторону побережья. Волковой еле успел спрятаться в зарослях бамбука. Наверное, это тот вертолёт, о котором говорил Казбек. Волковой не стал убивать Казбека, и вполне возможно, что он улетел в том вертолёте.

Сегодня он или дойдёт до шоссе, или ему конец. Тот всплеск жизненной силы, который давал ему возможность выживать эти дни, похоже, иссяк. Он будет идти на запад, но, наверное, недолго. Правда, теперь он богат. Сказочно богат. В кармане его джинсов лежат столотолларовые бумажки. Часть их он взял у Бутлерова и Пилюгина перед тем, как засыпать их могилы красноватой ангольской землёй. Если вы ещё не совсем на небесах, ребята, а видите своего командира, то, наверное, одобрите его поступок. Зачем вам эти грязные скомканные зелёные бумажки, от которых столько зла на этой земле? А он должен с их помощью выбраться из этой мышеловки. Но доллары это чепуха. У него есть алмаз Мбанги. Теперь у алмаза новый хозяин. Интересно, надолго ли?

Вчера Волковой обколол рану антидотами из самолётной аптечки и обработал йодом. От дикой боли после прикладывания тампона с йодом к ране он тогда свалился в обморок. Придя в себя, он наложил марлевую повязку и зафиксировал её бинтом.

Так что теперь он, наконец, богат. Но теперь люди, посланные Куртисом, будут травить его как лесного зверя. Правда, он сам выбрал себе этот путь. Сам решил сыграть с судьбой в азартную игру. И не в какого-нибудь подкидного дурака на носики, а в настоящий пятикарточный покер с максимальной ставкой, которой теперь стала его жизнь.

А сейчас нужно подкрепиться шоколадом с орехами, входящим в аварийный паёк, и идти. От жары шоколад вчера растаял, а за ночь снова застыл в форме помятой груши. Воды должно хватить. Самое трудное, это заставить ноги передвигаться. Интересно, кто ему оставит автомобиль, даже, если он и дойдёт до трассы? В окровавленной рубашке и ссохшихся от крови джинсах, с клубком свалывшихся волос и щетиной, пробившейся сквозь запёкшуюся кровь на лице. В таком виде он распугает всех водителей. Разве что держать в вытянутой руке столотолларовую купюру. Он так и сделает. Объяснит, что в саванне упал его самолёт.

Постепенно всё вокруг стало каким-то нереальным. Совсем как в компьютерной игре. Справа сверху экрана мерцают какие-то палочки. Это количество оставшихся жизней. Кажется, там осталась всего одна палочка. Когда со шелчком исчезнет и она, на горизонте загорится надпись: «game over!»

Одинокие островки акаций, растущих среди высокой травы, сменились зарослями бамбука и пальмами. Много пальм, над которыми ярко светило солнце. Но особой жары Волковой не чувствовал. Если он недалеко от побережья, то так и должно быть. В этих местах холодное Бенгельское течение охлаждает и немного подсушивает воздух. Волковой споткнулся о какую-то ветку и упал. Уткнувшись лицом в жёсткую траву, он пролежал так несколько минут. Падает он за сегодня уже не первый раз. Но сейчас вставать и шагать дальше, просто нет сил.

Вдруг он увидел гиену. Сначала одну, потом ещё несколько. С короткими, как будто перебитыми задними лапами и мерзко улыбающимся оскалом кривых челюстей, они медленно подбирались к нему. Волковой встал на ноги и закричал. Но вместо крика из его груди вырвался только надрывный хрип. Дрожащими руками он достал ракетницу, которую захватил с собой из упавшего самолёта, и выстрелил. Красная ракета, прочертив в воздухе короткую

дугу, с шипением вонзилась в одну из гиен. Зверь страшно взвыл и свалился набок. Остальные бросились врассыпную.

Волковой сделал несколько шагов и упал. Всё, кончилось топливо в баках. И в расходном, и в резервных, везде. Он лежал с открытыми глазами и смотрел в небо. Прямо над ним, описывая сужающиеся круги, кружил гриф.

Но человек не самолёт. Даже с пустыми баками он может идти. На ногах, на четвереньках, ползком. Нужно только немного отдохнуть. И не потерять сознание.

Вдруг Волковой услышал отдалённый шум. Приподняв над травой голову, он прислушался. Так и есть, это шум автомобильного мотора! Совсем недалеко, где-то за зарослями пальм мимо проехал грузовик.

Он дошёл!!!

Зажав в руке купюру в двадцать долларов, Волковой поднялся на дрожащие от слабости ноги и заковылял по направлению к дороге.

Следующий грузовик показался минут через сорок. Оставляя за собой густые клубы красноватой пыли, он проехал мимо. Волковой в отчаянье опустил руку с зажатой банкнотой, но вдруг грузовик остановился. Послышался шум включаемой задней передачи, и грузовик медленно покотился назад. Водитель, толстый негр, с испугом выкатил на Волкового глаза, но, увидев двадцатку, успокоился. Выйдя из кабины, он помог Волковому взобраться на сиденье, предварительно застелив его каким-то мешком.

– Я потерпел аварию на самолёте, – сказал Волковой, слабо махнув рукой в сторону саванны. – Помогите мне! Я заплачу.

Водитель растянул толстые губы в улыбке и, взяв деньги, спрятал их в какой-то потайной кармашек своих необъятных штанов.

– Я Дориш, – испуганно сообщил толстяк. – Сейчас еду в Бенгелу. Через часов пять мы будем там. Возьмите, синьор, это напиток из кокосового сока, – он протянул Волковому пластмассовую бутылку. – Пейте, у меня ещё есть. Вам нужно в больницу. Я могу завезти вас по дороге. Вот ещё, держите, бананы. Я отвезу вас к доктору в Бенгеле. К хорошему доктору.

– Спасибо, Дориш, – прохрипел Волковой. – Спасибо, ты спас меня.

Выпив залпом всю бутылку и съев пару мясистых бананов, Волковой провалился в глубокий сон. Впервые за последнее время он спал, не опасаясь быть съеденным хищниками.

Дорога Намибе – Бенгела была когда-то асфальтовой. Но, с тех пор, как отсюда ушли португальцы, на ней остались лишь островки асфальта. Поэтому Дориш вёл машину то по левой стороне, то по правой. Через некоторое время асфальт стал получше, и Дориш, ловко объезжая выбоины, разогнал свой грузовик почти до восьмидесяти километров в час.

Проспав под мерный гул дизеля несколько часов, Волковой проснулся.

– Сколько времени до города? – спросил он Дориша.

– Примерно через час будем на въезде, – ответил тот.

Немного отдохнувший мозг Волкового снова стал работать в аварийном режиме. На въезде в город его будут ждать люди Куртиса. Он сам бы так сделал. Скорее всего, это будут люди из охраны Куртиса. Его будут искать в городе, в больницах, аэропорту, даже на улицах. Куртис не пожалеет на это денег. Будут искать люди Гутиева и местные полицейские, снабжённые его фотографией. Он точно не знает, что будет с алмазом когда его поймают, но его, скорее всего, первым делом убьют. Так проще и надёжнее. Поэтому нужно срочно выходить из машины. В это время слева показалось какое-то ответвление от дороги.

– А что это за дорога налево? – спросил Волковой водителя.

– Это дорога на Байя Азул, Голубой залив. Там лучший пляж в провинции. Со своим отелем, совсем недорогим, базаром и магазинами.

– Останови здесь. Я сойду. Мне туда, в Байя Азул. Попробую на попутной машине. Спасибо, Дориш, дай тебе Бог, – сказал Волковой.

– Ну, как знаете, синьор, – улыбнулся толстяк и помахал рукой.

В треснувшее зеркало заднего вида Дориш видел как странный белый, потерпевший аварию в саванне, медленно переставляя ноги, заковылял по дороге, спускающейся в Байя Азул.

Через десять километров после развилки грузовик Дориша остановили какие-то вооружённые люди в камуфляжной форме.

– Проверка документов, – сообщил высокий смуглый человек с автоматом, заглядывая в кабину. – Ты никого не подвозил?

– Подвозил, – сказал Дориш. – Одного белого. Он потерпел аварию на самолёте.

– Где он?! – заорал человек. – Тимур, иди сюда, этот черномазый его вёз!

– Я его высадил на развилке. Ему надо было в Байя Азул, – испуганно ответил Дориш.

– Он поехал в Байя Азул? – спросил подошедший Тимур.

– Я видел, как он пошёл вниз. Сказал, будет ловить автостоп до побережья.

– А ну-ка, что у тебя в кузове, показывай живо!

– Там товар, бананы, сахар, шины, – сказал Дориш.

– Если ты врешь, убью, – сказал Тимур и навёл на него дуло автомата.

– Ей Богу, синьор, – Дориш сложил на полной груди руки. – Я говорю правду. Тот белый сказал, что ему нужно в Байя Азул. Он был весь в крови и с трудом ходил.

– Смотри, толстяк, не шути со мной! А ну-ка, опиши мне своего пассажира поточнее, – сказал Тимур.

– Ну, такой измученный, еле двигается, спал всё в кабине. Волосы вроде светлые, но не разберёшь, грязные, в крови. Небольшого роста, худощавый такой, не то, что я. Ага, нос как будто кривой, как сломан, вроде, да.

Тимур вынул из кармана фото Волкового.

– Смотри внимательно! Это он?

– Да, да, синьор, это он! – закивал головой Дориш.

– Это Волковой, будем брать, – скомандовал Тимур своим людям. – Быстро, пока он не доехал и не затерялся в посёлке. Толстяк, разворачивай свою колымагу, поедем на побережье! Сделаешь всё, как я скажу, получишь пятьдесят долларов, – сказал он Доришу. – Если обманешь – пулю в живот!

– Конечно, синьор, конечно, спасибо! Садитесь в кабину, остальные все в кузов, сейчас поедем, – заверил Дориш, прижимая руки к груди.

Через несколько километров после развилки, на которую вернулся грузовик Дориша, внизу открылся величавый вид Атлантики. Ярко-голубой цвет воды, давший название этому месту, сливался вдали с куполом такого же синего безмятежного неба. На берегу, едва различимые с такого расстояния, стояли рыбацкие лодки, вокруг которых копошились чёрные фигурки. Вся прибрежная полоса утопала в пальмовых зарослях, плавно переходя в пологий пляж. Но сама дорога была совершенно пустынной. Они никого не обгоняли, никто не обгонял их. Так и не встретив ни одного человека, грузовик с отрядом спустился к пляжу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.